

Филип Зимбардо

Эффект Люцифера

Почему
хорошие люди
превращаются
в злодеев

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Филип Джордж Зимбардо Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38620440

Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев /

Филип Зимбардо: Альпина нон-фикшн; Москва; 2018

ISBN 978-5-0013-9050-3

Аннотация

Книга вовсе не о борьбе добра со злом. Добра здесь, к сожалению, намного меньше. Зимбардо возвращается к своему знаменитому Стэнфордскому тюремному эксперименту, откуда берут начало его исследования природы человеческого зла. Правда, в конце книги его программа о сопротивлении нежелательным влияниям звучит обнадеживающе и вполне уверенно.

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	19
Дополнительные материалы	21
Глава первая	25
Глава вторая	76
Глава третья	118
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Филип Зимбардо

Эффект Люцифера.

Почему хорошие люди превращаются в злодеев

Переводчик *Анна Стативка*

Редактор *Андрей Бирюков*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректоры *С. Мозалёва, М. Миловидова, Е. Чудинова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Дизайн обложки *О. Белоус*

© Philip G. Zimbardo, Inc., 2007

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2018

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого элек-

тронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

*** * ***

Посвящается невозмутимой героине моей жизни, Кристине Маслач Зимбардо

Предисловие

Мне бы очень хотелось сказать, что эта книга – плод любви. Но это не так. Я работал над ней два года, и за все это время ни разу не испытал этого прекрасного чувства. С тяжелым сердцем я смотрел видеозаписи Стэнфордского тюремного эксперимента (СТЭ), снова и снова перечитывал их распечатки. Время стерло из моей памяти всю степень дьявольской изощренности охранников, масштабы страданий заключенных, степень моей пассивности, позволявшей злоупотреблениям продолжаться столько, сколько я хотел, – мое собственное зло бездействия.

Еще я забыл, что первую часть этой книги начал писать еще тридцать лет назад, по контракту с другим издателем. Но тогда я быстро оставил эту затею, поскольку был не готов вновь переживать совсем свежие впечатления. Я рад, что тогда не стал упорствовать и отказался писать, потому что самое подходящее время наступило именно сейчас. Я стал мудрее и способен более зрело отнестись к этой сложной задаче. Более того, параллели между злоупотреблениями в тюрьме Абу-Грейб и событиями Стэнфордского тюремного эксперимента прибавили достоверности нашему опыту в Стэнфордской тюрьме, а это, в свою очередь, помогло прояснить психологические мотивы ужасающих злоупотреблений в другой, реальной тюрьме.

Второй серьезной эмоциональной трудностью во время работы над этой книгой стало мое личное и весьма активное участие в расследовании злоупотреблений и пыток в Абу-Грейб. Как свидетель-эксперт со стороны одного из военных полицейских, охранников этой тюрьмы, я действовал скорее как журналист, чем как социальный психолог. Я стремился выяснить все, что только можно. Я вел с ним долгие беседы, разговаривал и переписывался с членами его семьи, собирал информацию о его работе в исправительных учреждениях США, о его службе в армии, я беседовал с другими военными, служившими в той же тюрьме. Мне хотелось поставить себя на его место, стать начальником ночной смены в блоке 1А, который нес службу с четырех часов дня до четырех часов утра сорок дней подряд, без выходных.

Как свидетель-эксперт я должен был давать показания во время судебного процесса. Мои свидетельства касались ситуационных факторов, способствовавших злоупотреблениям, в которых участвовал мой подопечный. Поэтому мне предоставили доступ к нескольким сотням фотографий, запечатлевших издевательства над заключенными. Это была весьма малоприятная задача. Кроме того, мне предоставили все доступные в то время отчеты различных военных и гражданских следственных групп. Мне сказали, что в суде запрещено пользоваться записями, и мне пришлось учить наизусть столько выводов и заключений, сколько я смог запомнить. Эта умственная работа усугубила огромное эмоци-

ональное напряжение, возникшее после того, как сержанту Айвену «Чипу» Фредерику вынесли жесткий приговор, и я стал неофициальным психологом-консультантом для него и его жены Марты. Со временем я стал для них «дядей Филом».

Я был вдвойне расстроен и разозлен сначала нежеланием военных принять хоть одно из множества смягчающих обстоятельств, о которых я говорил на судебном процессе, объяснявших жестокое поведение Чипа и способных уменьшить срок его тюремного заключения. Прокурор и судья отказались рассматривать даже саму идею того, что ситуационные факторы могут оказывать влияние на поведение личности. Они придерживались стандартной концепции индивидуализма, которую разделяют большинство людей нашей культуры. Они считали, что поведение сержанта Чипа Фредерика было целиком и полностью обусловлено его порочными наклонностями («диспозициями») и стало следствием его добровольного и осознанного решения совершать зло. Мое возмущение усугублялось еще и тем, что отчеты нескольких «независимых» следственных групп недвусмысленно указывали, что за злоупотребления охранников несут ответственность и офицеры более высокого ранга, оказавшиеся неэффективными лидерами или халатно относившиеся к своим обязанностям. Эти отчеты, составленные под руководством генералов и бывших высокопоставленных государственных чиновников, ясно показали, что именно военное и

административное руководство создало «бочку меда», в которой несколько хороших солдат стали «ложкой дегтя».

Если бы я написал эту книгу вскоре после окончания Стэнфордского тюремного эксперимента, то ограничился бы выводами о том, что в том или ином контексте ситуационные факторы играют в формировании нашего поведения гораздо более важную роль, чем мы думаем или признаем. Но при этом я упустил бы из виду общую картину: более мощные силы, превращающие добро в зло, – силы Системы, сложное переплетение могущественных влияний, которые и создают Ситуацию. Большое количество данных, накопленных социальной психологией, подтверждает идею о том, что в определенном контексте ситуационные факторы оказываются сильнее свойств личности. В нескольких главах мы рассмотрим аргументы, подтверждающие эту точку зрения. Однако обычно психологи не спешат принимать во внимание глубинные силы, действующие в политической, экономической, религиозной, исторической и культурной сферах, способствующие созданию тех или иных ситуаций и определяющие их как законные и допустимые либо как незаконные и недопустимые. Целостное понимание мотивов человеческого поведения требует признания степени и границ влияния и личностных, и ситуационных, и системных факторов.

Для коррекции или предотвращения нежелательного поведения отдельных людей или групп нужно понимать, какие силы, достоинства и слабые места вносят все эти факторы в

ту или иную ситуацию. Затем нужно более полно представлять себе весь комплекс ситуационных сил, которые действуют в определенных условиях, где проявляется данное поведение. Умение их изменять или избегать помогает устранить нежелательные реакции личности гораздо эффективнее, чем коррекционные меры, направленные исключительно на изменение поведения человека в определенной ситуации. Для этого нужно принять концепцию общественного здоровья, отказавшись от стандартной медицинской модели, основанной на лечении отдельных симптомов и коррекции отдельных актов антисоциального поведения. И если при этом мы не станем лучше осознавать реальную мощь Системы, неизменно скрытую завесой тайны, и не начнем понимать, по каким законам и правилам она живет, поведенческие изменения останутся нестабильными, ситуативными и иллюзорными. На страницах этой книги я много раз повторяю, что попытки понять ситуационные и системные аспекты поведения человека не оправдывают этого человека и не освобождают его от ответственности за безнравственные, незаконные или жестокие деяния.

Значительную часть своей профессиональной карьеры я посвятил психологии зла – я изучал насилие, анонимность, агрессию, вандализм, пытки и терроризм. Поэтому не могу не отметить ситуационные силы, воздействующие на меня самого. Я вырос в бедной семье в Нью-Йорке, в южном Бронксе. Во многом именно это «гетто» сформировало мои

взгляды на жизнь и мои приоритеты. Жизнь в городском гетто требует постоянного приспособления к законам улицы. Всегда нужно знать, кто обладает властью, которую может использовать против вас или же вам на пользу, кого лучше избегать, а с кем нужно «дружить». Для этого надо уметь расшифровывать тонкие сигналы ситуации, указывающие на то, когда следует делать ставки, а когда надо воздержаться, как создавать взаимные обязательства и каким образом можно превратиться из середнячка в лидера.

В те времена, еще до того, как Бронкс пал жертвой героина и кокаина, это гетто было пристанищем бедных, и самым ценным, что было у здешних детей, лишенных игрушек, были другие дети, товарищи по играм. Одни из них стали преступниками или жертвами преступлений; другие, казавшиеся мне вполне хорошими, очень плохо кончили. Иногда было совершенно ясно, почему. Например, отец Донни наказывал его за все, что считал «проступком»: при этом он раздевал Донни донага и заставлял становиться голыми коленками на рис в ванной. В других ситуациях этот «отец-мучитель» был весьма обаятельным, особенно общаясь с дамами, жившими в том же доме. Донни, травмированный таким «воспитанием», еще подростком оказался в тюрьме. Другой мой приятель вымещал свой гнев, свежая живых кошек.

Чтобы войти в банду, нужно было пройти «инициацию» – что-то украсть, подраться с другим мальчишкой, совершить какой-то смелый поступок, напугать девчонок и еврейских

детишек, идущих в синагогу. Все эти поступки вовсе не считались злыми или даже плохими; это был просто знак повиновения лидеру группы и нормам банды.

Для нас, детей, олицетворением власти Системы были большие и страшные дворники, прогонявшие нас со ступенек домов, и бессердечные домовладельцы, способные выселить семью, которая не могла вовремя заплатить арендную плату, – у всех на глазах они запросто выносили на улицу ее пожитки. Я до сих пор чувствую позор этих семей. Но нашими худшими врагами были полицейские, гонявшие нас, когда мы играли в «хоккей» посреди улицы (клюшкой была метла, а шайбой – резиновый мячик). Без всяких причин они отбирали у нас метлы и запрещали играть. В нашем районе не было детской площадки, у нас были только улицы, а розовый резиновый мячик не представлял никакой опасности для прохожих. Как-то раз мы спрятали метлы, увидев, что к нам приближаются полицейские. Они задержали меня и стали спрашивать, где метлы. Я отказался отвечать; один из полицейских сказал, что арестует меня, потащил к машине и сильно ударил головой о дверь. После этого я никогда уже особенно не доверял людям в форме.

С таким воспитанием, в отсутствие какого бы то ни было родительского контроля – в те дни дети и родители не «тусовались» на улицах вместе – мой интерес к человеческой природе, и особенно к ее темной стороне вполне объясним. На самом деле «Эффект Люцифера» зрел во мне мно-

го лет, с детства в гетто и во время моего обучения психологии. Именно он побуждал меня задавать серьезные вопросы и искать ответы с помощью доказательств, основанных на опытах.

Структура этой книги несколько необычна. Она начинается с вводной главы, где в общих чертах обсуждается тема трансформаций человеческого характера, когда хорошие люди и ангелы начинают вдруг совершать плохие, злые и даже дьявольские поступки. Это приведет нас к фундаментальному вопросу о том, как хорошо мы на самом деле знаем себя, насколько мы способны предсказать свое собственное поведение в таких ситуациях, с которыми прежде никогда не сталкивались. Способны ли мы, подобно Люциферу, любимому ангелу Господа, поддаться искушению и совершить то, что для других немислимо?

В главах, посвященных Стэнфордскому тюремному эксперименту, подробно описывается обширное исследование трансформаций личности студентов колледжа, игравших случайным образом присвоенные им роли заключенных или охранников в «искусственной тюрьме», которая в итоге стала ужасающе похожа на реальную. Хронология событий в этих главах представлена в виде киносценария. Это рассказ от первого лица в настоящем времени, с минимумом психологических интерпретаций. Только завершив описание эксперимента (а нам пришлось закончить его раньше, чем мы планировали), мы проанализируем его выводы, опишем и

интерпретируем полученные данные и поразмышляем о психологических процессах, которые мы наблюдали в процессе эксперимента.

Один из основных выводов Стэнфордского тюремного эксперимента заключается в том, что глубокое, но скрытое влияние нескольких ситуационных переменных может оказаться сильнее воли человека и может подавить его сопротивление. Этот вывод мы рассмотрим более подробно в следующих главах, где подкрепим его данными обширных психологических исследований. Мы увидим, как участники этих исследований – и студенты колледжей, и «простые граждане» – приспособливаются, подчиняются, повинуются и охотно поддаются искушениям, делая то, что не могли себе и представить, пока не оказались в силовом поле ситуационных факторов. В книге в общих чертах описан целый ряд психологических процессов, способных заставить хороших людей творить зло – деиндивидуализировать других, повиноваться власти, проявлять пассивность перед лицом угрозы, оправдывать себя и искать рациональные объяснения своему поведению. Дегуманизация – один из основных процессов, заставляющих обычных, нормальных людей спокойно или даже с энтузиазмом творить зло. Дегуманизация – нечто вроде «катаракты мозга», мешающей человеку ясно мыслить и заставляющей его считать, что другие люди – это не люди. Страдающие этой «катарактой» видят в других лишь врагов, которые несомненно заслуживают страданий,

пытках и уничтожения.

Вооружившись набором исследовательских инструментов, мы перейдем к анализу причин ужасающих злоупотреблений и пыток в иракской тюрьме Абу-Грейб, совершенных американскими военными полицейскими – охранниками этой тюрьмы. Утверждения о том, что эти безнравственные действия были всего лишь проявлением садистских наклонностей нескольких «плохих солдат», так называемой «ложки дегтя»¹, мы проанализируем, сравнивая ситуационные факторы и психологические процессы, действовавшие и в этой тюрьме, и в нашей Стэнфордской темнице. Мы подробно поговорим о Месте, Человеке и Ситуации и проанализируем причины, которые привели к оскорбительному поведению, запечатленному в серии отвратительных «трофейных фотографий», сделанных охранниками во время издевательств над заключенными.

Затем мы двинемся от отдельного человека к ситуации, а от нее – к Системе. Мы изучим отчеты нескольких следственных групп по делу об этих злоупотреблениях, свидетельства множества юридических источников и организаций по правам человека. А затем я займу место обвинителя, что-

¹ В 2004 г., когда в прессе появились скандальные фотографии пыток заключенных в тюрьме Абу-Грейб, представители администрации Буша прибегли к известной метафоре и объявили военных полицейских, замешанных в этой истории, единственной «ложкой дегтя» в «бочке меда» доблестной американской армии, а сам инцидент – единичным случаем, хотя это не соответствовало действительности. – *Прим. пер.*

бы привлечь к суду Систему. Используя ограничения нашей правовой системы, в соответствии с которой за преступления судят только отдельных людей, а не ситуации или системы, я предъявляю обвинения четырем офицерам высшего ранга, а затем и всей структуре военного и административного командования, созданной администрацией Буша. Читатель в роли присяжного заседателя сможет сам решить, доказывают ли мои аргументы вину Системы, точно так же, как и вину отдельных обвиняемых.

В последней главе наше довольно мрачное путешествие в сердце и разум тьмы снова приведет нас к свету. Мы поговорим о самых лучших сторонах человеческой природы, о том, что может сделать каждый из нас, чтобы не поддаться тлетворному влиянию Ситуации и Системы. Во всех описанных исследованиях, как и в реальной жизни, всегда встречаются те, кто устоял и не поддался соблазну. От зла их уберегали не какие-то врожденные таинственные добродетели, а скорее понимание, хотя и интуитивное, того, какой может быть интеллектуальная и социальная тактика сопротивления. Я расскажу о ряде таких стратегий и тактик, которые могут помочь читателю противостоять нежелательному социальному влиянию. Мои рекомендации основаны на моем собственном личном опыте и на работах моих коллег, социальных психологов, экспертов в области влияния и убеждения. (Эти данные приводятся и подробно обсуждаются на сайте этой книги: <http://lucifereffect.com>.)

Когда большинство в конце концов сдаётся и бунтуют лишь единицы, этих бунтовщиков можно считать героями, ведь им удастся устоять перед влиянием могущественных сил, заставляющих других приспособливаться, слушаться и повиноваться. Мы привыкли считать, что герои – какие-то особенные люди. Они не похожи на нас, простых смертных, они способны совершать храбрые поступки или жертвовать жизнью. Я согласен, что такие особенные люди и вправду существуют, но среди героев они, скорее, исключение. Далеко не все герои идут на такие жертвы, и это действительно люди особой породы, например те, кто посвящает всю свою жизнь служению человечеству. Гораздо чаще люди, которых мы считаем героями, – это герои момента, герои ситуации, они действуют решительно, услышав призыв. Поэтому наше путешествие закончится на позитивной ноте. Мы поговорим об обычном герое, живущем в каждом из нас. В противоположность концепции «банальности зла», утверждающей, что самые позорные акты жестокости по отношению к своим братьям совершают не маньяки-убийцы, а самые простые люди, я предложу понятие «банальности героизма» и разверну знамя «обычного героя», который слышит призыв служить человечеству, когда наступает время действовать. И когда звучит этот призыв, наш герой знает, что он обращен к нему. Этот призыв пробуждает лучшие качества человеческой природы, открывает в нас способность встать выше могущественного давления ситуации и Системы. И это – яркое

свидетельство человеческого достоинства, противостоящего
злу.

Благодарности

Эта книга никогда бы не увидела свет без всех тех, кто помогал мне на каждом этапе этого долгого путешествия – от теоретической концепции до ее практической реализации на этих страницах.

ОПЫТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Все началось в августе 1971 г., в Стэнфордском университете, где мы спланировали и провели необычный эксперимент, а потом проанализировали его результаты. Нас побудил к этому эксперименту семинар, посвященный психологии тюремного заключения, проведенный под руководством Дэвида Джаффе; в дальнейшем он стал начальником нашей «Стэнфордской тюрьмы». Чтобы подготовиться к основному эксперименту, лучше понять менталитет заключенных и персонала исправительных учреждений, а также исследовать важнейшие аспекты психологической природы тюремного опыта, я провел в Стэнфордском университете летний курс, посвященный этим темам. Я вел его вместе с другим преподавателем, Эндрю Карло Прескоттом, недавно получившим условно-досрочное освобождение после нескольких длительных отсидок в калифорнийских тюрьмах. Кар-

ло стал неоценимым консультантом и энергичным председателем нашей комиссии по условно-досрочному освобождению. На каждой стадии этого необычного исследовательского проекта в нем принимали активное участие два аспиранта, Уильям Кертис Бэнкс и Крейг Хейни. Крейг использовал этот опыт как «трамплин» для невероятно успешной карьеры в сфере психологии и права. Он стал известным защитником прав заключенных, написал вместе со мной множество статей и разделов книг – по разным темам, связанным с исправительными учреждениями. Я благодарю каждого из них за вклад в исследование, а также за участие в интеллектуальном и практическом анализе его результатов. Кроме того, я выражаю благодарность всем студентам, которые добровольно вызвались участвовать в эксперименте. Даже сейчас, спустя несколько десятилетий, некоторые из них не могут его забыть. И здесь, и в следующих главах я снова хочу извиниться перед ними за все те страдания, которые они перенесли во время эксперимента и после него.

Дополнительные материалы

После окончания тюремного эксперимента мы перевели его архивные видеозаписи в DVD-формат и расшифровали стенограммы. Эта задача легла на плечи Шона Бруича и Скотта Томпсона, двух выдающихся студентов Стэнфорда. Шон и Скотт выделили самые важные эпизоды этих записей, а также собрали огромное количество справочных материалов, касающихся различных аспектов исследования.

Таня Зимбардо и Марисса Аллен помогали выполнять еще одну задачу. Они собрали и систематизировали обширные справочные материалы: вырезки из газет и журналов, мои заметки и др. Другая команда студентов Стэнфорда, в первую очередь Кьеран О'Коннор и Мэтт Эстрада, провели экспертную проверку справочных материалов. Мэтт также расшифровал аудиозапись моего интервью с сержантом Чипом Фредериком, превратив ее в читабельный текст.

Я очень ценю обратную связь с коллегами и студентами – Адамом Брекенриджем, Стивенем Бенке, Томом Блассом, Роуз Макдермот и Джейсон Вивер – читавшими первый и второй черновики нескольких глав этой книги. Особую благодарность за помощь в создании раздела последней главы, посвященного сопротивлению нежелательному влиянию, я выражаю Энтони Пратканису и Синди Ван. Я также благодарю Зено Франко за сотрудничество в разработке новых пред-

ставлений о психологии героизма.

Я стал лучше понимать ситуацию в тюрьме Абу-Грейб и других очагах военных действий благодаря опыту и мудрости уорент-офицера² Марчи Дрюи и полковника Ларри Джеймса, военного психолога. Дуг Брейсуэлл непрерывно снабжал меня полезными источниками информации в Интернете, связанными с проблемами, о которых я пишу в двух главах книги, посвященных событиям в Абу-Грейб. Гэри Майерс, адвокат сержанта Фредерика, который без всякого вознаграждения выполнял свои обязанности в течение длительного времени, также предоставил мне все исходные материалы и данные, необходимые для понимания ситуации. Адам Зимбардо провел прекрасный анализ сексуального характера «трофейных фотографий», ставших результатом «забав» охранников ночной смены блока 1А.

Я выражаю искреннюю благодарность Бобу Джонсону, коллеге-психологу, моему соавтору вводного учебника по психологии «Основные концепции» (Core Concepts). Боб прочитал всю рукопись и внес множество ценных предложений. То же сделал Саша Любомирски, помогавший координировать усилия Боба и Роуз Зимбардо. Роуз – профессор английской литературы, благодаря ей каждое предложение этой книги наилучшим образом выражает мои идеи. Я искренне благодарю этих людей за то, что они выполняли этот

² Уорент-офицеры – в армии США категория военнослужащих между сержантским и офицерским составом. – *Прим. ред.*

тяжкий труд с таким изяществом и здравым смыслом.

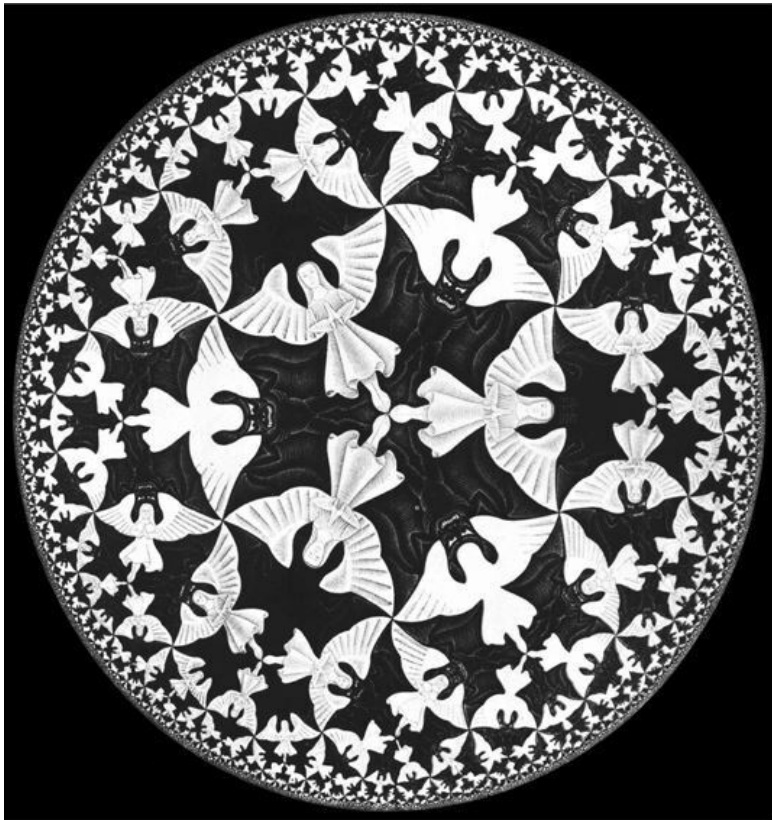
За дотошную и бережную правку я благодарю Уилла Мерфи, моего редактора из издательства Random House, – он продемонстрировал искусство, утраченное многими нынешними редакторами, и постоянно предпринимал отважные попытки ограничить текст только самыми важными темами. Линн Андерсон, великолепный и проницательный литературный редактор, в сотрудничестве с Винсеном Ла Скалой сделали мой текст более последовательным и ясным. А Джон Брокман был не просто моим агентом, но настоящим ангелом-хранителем этой книги.

Наконец, в те дни, когда я писал эту книгу по десять часов в сутки, днем и ночью, мое страждущее тело готовили к следующему раунду творчества массажист Джерри Хубер из центра Healing Winds Massage в Сан-Франциско и Энн Холлингсуорт из центра Gualala Sea Spa, когда я работал в своем укрытии в Си-Ранч.

Всем моим помощникам, членам семьи, друзьям, коллегам и студентам, благодаря которым я смог превратить свои мысли в слова, а слова – в рукопись и книгу, я выражаю свою самую искреннюю благодарность.

С наилучшими пожеланиями,

Фил Зимбардо

М. Эшер, «Предел — круг 4 (ад и рай)» © 2013 The M. C. Escher
Company The Netherlands.
All rights reserved. www.mcescher.com.

Глава первая

Психология зла: ситуационные трансформации характера

Он в себе

Обрел свое пространство и создать

В себе из Рая – Ад и Рай из Ада

Он может.

Джон Мильтон. Потерянный рай³

Взгляните на этот замечательный рисунок. А теперь закройте глаза и постарайтесь его вспомнить.

Что вы видите в своем воображении? Белых ангелов, танцующих в темном небе? Или черных демонов, рогатых чертей, обитающих в ярко-белом пространстве ада? В этой иллюзии художника Маурица Эшера можно увидеть и то, и другое. Однажды осознав, что добро и зло неразрывно связаны, уже невозможно видеть одно без другого. На следующих страницах я не позволю вам вернуться к удобному разделению между *вашей* доброй, невинной стороной и злой, грешной стороной *других*. «Способен ли я на зло?» Я хочу, чтобы в процессе нашего путешествия по незнакомым территориям вы снова и снова задавали себе этот вопрос.

³ Цит. по: Мильтон Дж. Потерянный рай / Пер. А. Штейнберга. М., 1982.

Рисунок Эшера демонстрирует три психологические истины. Первое: мир наполнен и добром, и злом – так всегда было и всегда будет. Второе: границы между добром и злом проницаемы и расплывчаты. И, наконец, третье: ангелы могут стать демонами, а демоны, хотя это иногда трудно постичь, способны стать ангелами.

Возможно, этот рисунок напомнил вам об окончательной трансформации добра во зло, о превращении Люцифера в Сатану. Люцифер, «светоносец», был любимым ангелом Господа, но потом поставил под сомнение Его авторитет и вместе с другими падшими ангелами был низвергнут в ад. «Лучше быть Владыкой Ада, чем слугою Неба!» – восклицает Сатана, «противник Господа», в «Потерянном рае» Мильтона⁴. В аду Люцифер-Сатана начинает лгать, давать пустые обещания, провозглашать громкие лозунги, потрясать копьями, трубить в трубы и размахивать флагами – примерно так, как это делают некоторые современные национальные лидеры. В аду, на конференции Демонических сил, где присутствуют все главные демоны, Сатана окончательно понимает, что не сможет вернуться на небеса, победив Господа в открытом бою⁵.

Но политический соратник Сатаны, Вельзевул, предлага-

⁴ Цит. по: Милтон Дж. Потерянный рай / Пер. А. Штейнберга. М., 1982.

⁵ *Milton J. Paradise Lost // J. Milton: Complete Poems and Major Prose / Ed. by M. Y. Hughes. New York: Odyssey Press, 1957. Цитаты из кн. 1, с. 254; описание демонической конференции Сатаны, ll. 44–389.*

ет поистине дьявольское решение: он призывает отомстить Господу, развратив Его величайшее творение, человечество. Сатана успешно соблазняет Адама и Еву послушаться Господа и познать зло. Господь постановляет, что они будут спасены в свое время. Но с тех пор Сатане позволено манипулировать этим обещанием и вербовать ведьм, чтобы соблазнять людей творить зло. Позже посредники Сатаны стали жертвами ревностных инквизиторов, желавших избавить мир от порока. Но их ужасающие методы создали новую системную форму зла, которой раньше не видел мир.

Грех Люцифера заключается в том, что мыслители Средневековья называли «*cupiditas*»⁶. Для Данте грехи, растущие из этого корня, – самые тяжкие, «грехи волка». Это такое духовное состояние, когда «черная дыра» в человеке столь глубока, что ее не могут заполнить ни власть, ни деньги. Для тех, кто страдает смертельной болезнью под названием *cupiditas*, все, что существует за границами их личности, цен-

⁶ Cupiditas – алчность, жадность, неумное стремление к богатству или к власти над другими. Cupiditas – это желание уподобить себе или поглотить все «другое», не похожее на нас. Например, похоть и сексуальное насилие – формы cupiditas: это попытки использовать другого человека как вещь ради удовлетворения собственных желаний; убийство ради выгоды – тоже cupiditas. Это противоположность концепции caritas, когда мы воспринимаем себя как часть круга любви, в котором каждый отдельный человек ценен сам по себе, а также в отношениях с другими. максима «поступай с другими так же, как хочешь, чтобы поступали с тобой», – довольно бледное выражение идеи caritas. Возможно, лучше всего отражает эту концепцию латинское Caritas et amor, Deus ibi est – «где caritas и любовь, там Бог».

но лишь в том случае, если это можно как-то использовать или поглотить. Виновные в этом грехе попадают в девятый круг Ада Данте и замерзают в ледяном озере. При жизни они заботились лишь о самих себе, и теперь навечно заключены в ледяное и безучастное «Я». Заставляя людей подобным образом думать только о самих себе, Сатана и его слуги отвергают гармонию любви, объединяющую все живые существа.

Грехи волка заставляют человека отвергать милосердие, благодать Господню, и делать единственным своим благом – и своей тюрьмой – самого себя. В девятом круге Геенны грешники, одержимые духом ненасытного волка, навеки заточены в ледяной тюрьме, которую создали для себя сами, где заключенный и тюремщик слились воедино в реальности эгоцентризма.

В научном исследовании происхождения Сатаны историк Элайн Пейглс предлагает провокационный взгляд на психологическое значение Сатаны как зеркала человечества:

«Сатана очаровывает нас тем, каким образом он выражает качества, выходящие за рамки всего, что мы обычно считаем человеческим. Сатана пробуждает не только алчность, зависть, похоть и гнев, которые мы отождествляем с худшими нашими побуждениями; не только то, что мы называем зверством, и из-за чего людей иногда сравнивают с животными («скотами»)… Он заставляет нас верить, что зло, в его наихудшем проявлении, связано со сверхъестественным. С тем, в чем мы с содроганием

видим дьявольскую противоположность определения Господа как “великого Ты», о котором говорил Мартин Бубер⁷⁸».

Зло пугает нас и в то же время завораживает. Мы создаем мифы о замыслах дьявола и начинаем так в них верить, что готовы мобилизовать на борьбу со злом все силы. Мы отвергаем «другое» как чуждое и опасное, потому что оно нам незнакомо, но при этом сексуальная разнузданность и аморальность тех, кто не похож на нас, будоражат наше воображение. Профессор религиоведения Дэвид Франкфуртер завершает свои поиски «дьявола во плоти» размышлениями о социальных представлениях об этом «дьявольском другом».

Представления о *социально* другом как о дикаре-людоеде, демоне, колдуне, вампире или обо всем этом вместе взятом составляют постоянный репертуар символики извращенности. Мы рассказываем истории о дикости, свободных нравах и всяческих пороках и уродствах людей, находящихся на периферии или на задворках общества. Между тем то сочетание ужаса и удовольствия, с которым мы размышляем об этих других – и которое стало одной из причин жестокости колонизаторов, миссионеров и армий, вступающих на

⁷ Бубер, Мартин (Buber, Martin), еврейско-немецкий религиозный философ, писатель, переводчик и комментатор Библии. Согласно его воззрениям, Бог, великое Ты, делает возможными «Я – Ты»-отношения между человеком и другими существами. – *Прим. пер.*

⁸ Pagels E. The Origin of Satan. New York: Random House, 1995. P. XVII.

земли этих других, – определенно влияет на нас также и на уровне индивидуальной фантазии⁹.

ТРАНСФОРМАЦИИ: АНГЕЛЫ, ДЕМОНЫ И МЫ, ПРОСТЫЕ СМЕРТНЫЕ

«Эффект Люцифера» – моя попытка понять процессы трансформации, заставляющие хороших и обычных людей совершать плохие и дьявольские поступки. Мы попробуем ответить на фундаментальный вопрос: «Что заставляет людей творить зло?» Однако мы не станем обращаться к традиционному религиозному дуализму добра и зла, благодетельной природы и развращающего воспитания. Мы поговорим о реальных людях, занятых обычными делами, поглощенных работой, пытающихся остаться на плаву в зачастую бурных водах человеческой природы. Мы постараемся понять, какие трансформации происходят в их характерах, когда они сталкиваются с мощными ситуационными факторами.

Давайте начнем с определения зла. Я предлагаю очень простое, психологическое определение: *зло – это осознанный, намеренный поступок, совершаемый с целью нанести вред, оскорбить, унижить, дегуманизировать или уничтожить других людей, которые ни в чем не виноваты; или ис-*

⁹ *Frankfurter D. Evil Incarnate: Rumors of Demonic Conspiracy and Satanic Abuse in History.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. P. 208–209.

пользование личной власти и авторитета Системы для того, чтобы поощрять людей или позволять им совершать подобные поступки от ее имени. Коротко говоря, «зная, что такое хорошо, поступать плохо»¹⁰.

От чего зависит эффективность человеческого поведения? Что определяет наши мысли и действия? Что заставляет некоторых вести моральную, добродетельную жизнь? Почему другие так легко скатываются к безнравственности и становятся преступниками? На чем основаны наши представления о человеческой природе? На предположении о том, что внутренние детерминанты ведут нас вверх, к вершинам добра, или вниз, в пучину зла? Достаточно ли внимания мы уделяем внешним факторам, определяющим наши мысли, чувства и действия? До какой степени человек является продуктом ситуации, момента, толпы? И есть ли поступок, совершенный кем-то из смертных, которого не смогли бы совершить мы с вами – никогда, ни при каких обстоятельствах?

Обычно мы прячемся за эгоцентричными и иллюзорными

¹⁰ Некоторые другие полезные книги, в которых исследуются альтернативные психологические теории зла: *Baumeister R. F. Evil: Inside Human Cruelty and Violence*. New York: Freeman, 1997; *The Social Psychology of Good and Evil* / Ed. by A. G. Miller, New York: Guilford Press, 2004; *Shermer M. The Science of Good & Evil: Why People Cheat, Gossip, Care, Share and Follow the Golden Rule*. New York: Henry Holt, 2004; *Staub E. The Roots of Evil: The Origins of Genocide and Other Group Violence*. New York: Cambridge University Press, 1989; *Waller J. Becoming Evil: How Ordinary People Commit Genocide and Mass Killing*. New York: Oxford University Press, 2002.

представлениями о том, что мы не такие, как все. Этот психологический щит позволяет нам верить, что по любому тесту, оценивающему добродетельность, наши показатели будут выше средних. Слишком часто сквозь толстую оболочку личной неуязвимости мы глядим вверх, на звезды, забывая при этом смотреть вниз, на скользкую дорогу под ногами. Такие эгоцентричные предубеждения чаще можно обнаружить в культурах, делающих акцент на личной независимости, например в странах Европы и в США, и реже в культурах, ориентированных на коллективное, например в Азии, Африке и на Среднем Востоке¹¹.

Во время нашего путешествия по пространствам добра и зла я попрошу вас поразмышлять над тремя вопросами. Хорошо ли вы знаете себя, свои достоинства и недостатки? На чем основано ваше знание себя – на анализе своего поведения в знакомых ситуациях или на тех случаях, когда вы сталкивались с совершенно новыми ситуациями, где привычные стратегии поведения теряли силу? И хорошо ли вы знаете тех, с кем чаще всего общаетесь – членов семьи, дру-

¹¹ Сегодня выходит все больше книг по культурной психологии, где сравниваются различия в поведении и ценностях между обществами, которые можно назвать ориентированными на независимость и индивидуализм, и культурами, ориентированными на взаимозависимость и коллективизм. Хорошую коллекцию основополагающих фактов относительно того, как та или иная ориентация влияет на концепции личности, можно найти в докладе: *Markus H., Kitayama S. Models of Agency: Sociocultural Diversity in the Construction of Action // Nebraska Symposium on Motivation: Cross-Cultural Differences in Perspectives on Self / Ed. by V. Murphy-Berman, J. Berman. Lincoln: University of Nebraska Press, 2003.*

зей, сотрудников и любимых? Одна из идей этой книги состоит в том, что наше знание себя обычно основано на весьма ограниченном опыте, полученном в знакомых ситуациях, где есть определенные правила, законы, политика и ограничивающие факторы. Мы ходим в школу, на работу, на вечеринки, ездим в отпуск; оплачиваем счета и платим налоги – изо дня в день, из года в год. Но что будет, если мы попадем в совершенно новую и незнакомую ситуацию, где наши привычки оказываются бесполезными? Например, переходя на новую работу, идя на первое свидание с незнакомцем, о котором узнали на сайте знакомств, вступая в какую-то организацию, оказываясь под арестом, записываясь в армию, вступая в секту или добровольно участвуя в эксперименте. Когда правила игры меняются, старые привычки не приводят к ожидаемым результатам.

В нашем путешествии, по мере того как мы будем сталкиваться с разными формами зла, я прошу вас постоянно спрашивать себя: «А как бы я поступил в этой ситуации?». На этом пути мы увидим геноцид в Руанде, массовое самоубийство и убийства прихожан Храма народов в джунглях Гайаны, резню в деревне Милай (Сонгми)¹² во Вьетнаме, ужасы нацистских концентрационных лагерей, пытки военной и гражданской полиции во всем мире, сексуальное насилие над прихожанами со стороны католических священ-

¹² В русскоязычной традиции: резня в Сонгми. Далее в тексте дается двойной вариант перевода. – *Прим. пер.*

ников и изощренные методы мошенничества руководителей скандальных корпораций Enron и WorldCom. В итоге мы обнаружим общие качества всех этих злодеяний и посмотрим, как они проявились в недавно открывшихся злоупотреблениях по отношению к мирным жителям Ирака, заключенным тюрьмы Абу-Грейб. Благодаря исследованиям в сфере социальной психологии, в первую очередь благодаря эксперименту, получившему название «Стэнфордский тюремный эксперимент», мы найдем одну особенно важную нить, связывающую все эти злодеяния.

Зло: неизменное и внутреннее или изменчивое и внешнее?

Нам приятна мысль о том, что хороших людей от плохих отделяет непреодолимая пропасть. Как минимум по двум причинам. Во-первых, эта мысль порождает бинарную логику, согласно которой Зло можно рассматривать как отдельную сущность. Обычно мы воспринимаем Зло как некое качество, с рождения свойственное одним людям и не свойственное другим. Из плохих семян в конце концов вырастают плохие деревья. Такова уж их судьба. Мы считаем примерами подобных злодеев Гитлера, Сталина, Пол Пота, Иди Амина, Саддама Хусейна и других тиранов нашего времени, совершавших массовые убийства. Мы также считаем злодеями, хоть и не такими ужасными, наркоторговцев, насильни-

ков, торговцев людьми на рынке сексуальных услуг, мошенников, тех, кто обирает пожилых людей и запугивает наших детей.

Кроме того, дихотомия «добро – зло» снимает с «хороших людей» ответственность. Они могут позволить себе даже не задумываться о том, что тоже могут способствовать созданию или существованию условий, которые приводят к правонарушениям, преступлениям, вандализму, унижениям, запугиванию, изнасилованиям, пыткам, террору и насилию. «Так устроен мир, и его не изменить, по крайней мере, мне это не под силу».

Альтернативная точка зрения рассматривает зло как процесс. Она утверждает, что на злодеяния способен каждый из нас, для этого нужны лишь подходящие обстоятельства. В любой момент человек может проявить те или иные качества (скажем, интеллект, гордость, честность или порочность). Наш характер может меняться, сдвигаться к «хорошему» или к «плохому» полюсу человеческой природы. Такая точка зрения предполагает, что мы приобретаем те или иные качества на основании опыта, целенаправленного развития или внешнего вмешательства, например, когда та или иная способность открывает нам новые возможности. Коротче говоря, мы учимся быть хорошими или плохими независимо от нашей наследственности, личностных особенностей или семейной истории¹³.

¹³ Одно из лучших описаний концепции фиксированных качеств в психоло-

Альтернативные концепции: диспозиции личности, ситуационные и системные факторы

Итак, есть две точки зрения на зло: «зло как отдельная сущность» и «зло как процесс». Точно так же существует контраст между диспозициями личности¹⁴ и ситуационными мотивами поведения. Как мы понимаем необычное поведение, неожиданные ситуации, аномалии, в которых не видим смысла, когда сталкиваемся с такими явлениями? Традиционный подход призывает нас определить врожденные качества личности, которые приводят к тому или иному поведению: генетическую наследственность, личные качества, характер, свободную волю и другие аспекты диспозиции, т. е. предрасположенности. Если мы столкнулись с жестоким по-

гии содержится в книге: *Gelman S. The Essential Child: Origins of Essentialism in Everyday Life. New York: Oxford University Press, 2003.* Другим полезным источником данных о том, как наши представления об интеллекте как сущностном (фиксированном) или накопительном (переменном) качестве влияют на успех во многих областях, является отчет о многолетних исследованиях, которые проводила Кэрол Двек: *Dweck C. Mindset: The New Psychology of Success. New York: Random House, 2006.*

¹⁴ Диспозиция личности – предрасположенность к определенному восприятию условий деятельности и к определенному поведению в этих условиях. В социальной психологии существует так называемое диспозициональное направление – подход к индивидууму, особо выделяющий устойчивые качества (черты личности), присущие человеку и обеспечивающие постоянство его поведения с течением времени и с изменением ситуаций. Первым выдвинул теорию черт личности американский психолог Гордон Олпорт. – *Прим. пер.*

ведением, нужно искать садистские черты личности. Если мы видим героический поступок, нужно искать гены, отвечающие за предрасположенность к альтруизму.

Недавно по Соединенным Штатам прокатилась целая серия перестрелок, в которых были убиты и ранены ученики и учителя средних школ¹⁵. В Англии два десятилетних мальчика похитили из торгового центра двухлетнего Джейми Балджера, а потом жестоко и хладнокровно его убили. В Палестине и Ираке молодые мужчины и женщины становятся террористами-смертниками. Многие жители европейских стран во время Второй мировой войны прятали евреев от нацистов, хотя и знали, что если их разоблачат, они и их семьи будут расстреляны. «Разоблачители» во многих странах мира рискуют свободой и жизнью, открыто обличая несправедливость и безнравственность лидеров своих стран. Почему?

Традиционные представления (распространенные среди тех, кто принадлежит к культуре, придающей особое значение индивидуализму) побуждают искать мотивы патологии или героизма внутри личности. Современная психиатрия ориентирована на диспозицию – как и современная клиническая психология, психология личности и психодиагно-

¹⁵ Конструктивный подход к подобному школьному насилию описан в работе моего коллеги, психолога Элиота Аронсона. Он использует теории социальной психологии, чтобы предложить «дорожную карту», позволяющую изменить социальное окружение в школе таким образом, чтобы оно подкрепляло взаимопомощь и сотрудничество, а не конкуренцию и отвержение: *Aronson E. Nobody Left to Hate: Teaching Compassion After Columbine*. New York: Worth, 2000.

стика. На этой концепции основаны практически все институты нашего общества – в том числе юридические, медицинские и религиозные. Они считают, что вину, болезнь и грех нужно искать внутри виновного, больного и грешника. Поиск причин начинается с вопроса «кто?». Кто несет ответственность? Кто это сделал? Кто виноват? Кто должен получить по заслугам?

А социальные психологи (такие как я), пытаясь понять причины необычного поведения, склонны избегать поспешных выводов о диспозиции или предрасположенности. Они предпочитают начинать с вопроса «что?». Что за условия могут привести к тем или иным реакциям? Что за обстоятельства привели к данному поведению? Как воспринимали ситуацию ее участники? Социальные психологи спрашивают: в какой степени действия человека определяются внешними факторами, ситуационными переменными и процессами, уникальными для данной ситуации?

Концепция предрасположенности относится к ситуационному подходу, как медицинская модель здоровья относится к модели общественного здоровья¹⁶. Медицинская модель пытается найти источник болезни внутри пациента. По кон-

¹⁶ Концепция общественного здоровья (Public Health as System) – система научных и практических мер и адекватных структур медицинского и немедицинского характера, деятельность которых направлена на реализацию концепции охраны и укрепления здоровья населения, профилактику заболеваний и травм, увеличение продолжительности активной жизни и трудоспособности посредством объединения усилий общества. – *Прим. пер.*

трасту, исследователи – сторонники концепции общественного здоровья считают, что причины болезни находятся в окружающей среде, создавая благоприятные для нее условия. Иногда больной человек – конечный продукт патогенных факторов окружающей среды, и если эти факторы не изменить, они повлияют и на других людей, несмотря на все попытки улучшить здоровье отдельного человека. Например, в рамках диспозиционного подхода ребенку, у которого возникли проблемы с обучением, можно назначить множество медицинских и поведенческих средств, помогающих преодолеть эти проблемы. Но очень часто, особенно в бедных семьях, на мозг ребенка негативно влияет свинец, содержащийся в краске, которой красят стены дешевых арендованных квартир, а кроме того, он плохо учится из-за самой бедности – это ситуационный подход. Эти альтернативные точки зрения – не просто абстрактные вариации в рамках концептуального анализа. Они создают совершенно разные подходы к решению личных и социальных проблем.

Подобный анализ важен для всех нас, ведь в повседневной жизни мы все – психологи-самоучки, мы пытаемся выяснить, почему люди делают то, что делают, и что делать, чтобы они вели себя лучше. Но в западной индивидуалистической культуре редкий человек не заражен предубеждениями о предрасположенности. Мы склонны прежде всего искать мотивы, качества характера, наследственность и патологии отдельного человека. Пытаясь понять причины поведе-

ния других людей, мы обычно склонны переоценивать важность их личных качеств и недооценивать важность ситуационных факторов.

В следующих главах я предложу весомый набор доказательств в противовес диспозиционному подходу. Это расширит наши горизонты и позволит нам увидеть, как характер человека трансформируется под влиянием ситуации, где действуют мощные внешние силы. Люди и ситуации обычно находятся в состоянии динамического взаимодействия. Обычно мы считаем, что наша личность всегда неизменна во времени и пространстве. Но это далеко не всегда так. Работая в одиночестве, мы ведем себя иначе, чем когда находимся в группе; в романтической обстановке мы проявляем себя иначе, чем в школе; общаясь с близкими друзьями, мы иные, чем в толпе незнакомцев; за границей мы ведем себя не так, как дома.

«Молот ведьм» и «окончательное решение» инквизиции

Один из первых документальных источников, в котором диспозиционный подход широко используется для различения зла и избавления мира от его пагубного влияния, можно найти в тексте, который стал библией инквизиции, – *Malleus*

Maleficarum, «Молот ведьм»¹⁷. Это была настольная книга каждого судьи инквизиции. Она начинается с загадки, которую должен решить начинающий инквизитор: почему в мире, которым управляет добрый и всемогущий Бог, существует зло? Возможный ответ: Бог допускает зло, чтобы испытать человеческие души. Уступите его искушениям – и отправитесь в ад; сопротивляйтесь ему – и вознесетесь на небеса. Но Бог сделал так, чтобы дьявол не смог сам влиять на людей, ведь он уже развратил Адама и Еву. Тогда дьявол решил найти посредников на Земле. Ими стали ведьмы – промежуточное звено между дьяволом и людьми, которых им предстоит совращать с пути истинного.

Чтобы положить конец злу, в католических странах стали находить и уничтожать ведьм. Нужны были методы, помогающие выявлять ведьм, заставляя их признаться в ереси, а потом уничтожать. Механизм выявления и уничтожения ведьм (который в наше время могли бы назвать «окончательным решением») был простым и незамысловатым: надо было узнать через шпионов, кого люди считают ведьмами или колдунами, проверить ведьмовскую природу подозреваемых, выбивая из них признания с помощью пыток, и убить тех, кто не прошел проверку. Нам трудно серьезно относиться к подобному примитивному мышлению, однако оно при-

¹⁷ The Malleus Maleficarum of Kramer and Sprenger / Ed. and trans. by M. Summers. New York: Dover, 1948. Книга написана немецкими монахами-доминиканцами Генрихом Крамером и Якобом Шпренгером в XV в.

вело к созданию тщательно разработанной системы массового террора и пыток. В результате были истреблены тысячи людей – именно этот упрощенный взгляд на сложную проблему зла подбрасывал дров в костры инквизиции. «Ведьмы» стали отдельной презренной категорией. Это позволяло найти простое и понятное решение проблемы социального зла: достаточно просто обезвредить столько носителей зла, сколько удастся найти, а потом замучить их, сварить в масле или сжечь на костре.

Поскольку церковь и ее альянсами с государством управляли мужчины, неудивительно, что ведьмами чаще всего объявляли женщин, а не мужчин. Подозреваемые обычно были маргиналами или чем-то угрожали церкви: это были вдовы, бедные, уроды, калеки, а иногда слишком гордые и сильные люди. Ужасный парадокс инквизиции состоит в том, что горячее и зачастую искреннее желание искоренить зло привело к злодеяниям таких масштабов, каких прежде не видел мир. В этом процессе государство и церковь использовали орудия и методы пыток, ставшие вопиющим извращением любых идеалов человеческой добродетели. Удивительная природа человеческого разума, способная создавать великие произведения искусства, науку и философию, была извращена до крайности и породила «творческие» методы жестокости, предназначенные для того, чтобы сломать волю человека. Орудия ремесла инквизиции до сих пор используются в тюрьмах всего мира, в военных и гражданских испра-

вительных заведениях, где пытки – обычное дело (как мы увидим позже, когда будем говорить о тюрьме Абу-Грейб)¹⁸.

Системы создают нисходящие иерархии власти

Я обратил внимание на власть систем, когда понял, как общественные институты создают механизмы, воплощающие их идеологию – скажем, о причинах зла – в реальные процессы и методы, например в охоту на ведьм. Другими словами, мои представления о человеческом поведении стали значительно шире, когда я глубже разобрался в том, каким образом возникают ситуационные условия, как их формируют факторы более высокого порядка – факторы *систем* власти. Чтобы понять сложные модели поведения, необходимо принимать во внимание не только предрасположенность и ситуацию, но и влияние системы.

Жестокие, незаконные или безнравственные поступки представителей силовых ведомств – полицейских, служащих исправительных учреждений и солдат – принято считать чем-то вроде «ложки дегтя в бочке меда». Считается, что та-

¹⁸ Ответственность за этот злополучный теологический полет воображения лежит на длительной истории насилия по отношению к женщинам. Историк Энн Барстоу пишет о том, что систематическое использование и широкая распространенность мужского насилия по отношению к женщинам основаны на власти мужчин в церковных и государственных иерархиях, которые и инициировали это «коллективное помешательство по поводу ведьм»: *Barstow A. L. Witchcraze: A New History of European Witch Hunts*. San Francisco: HarperCollins, 1995.

кие поступки – редкое исключение из правил. Те, кто их совершал, находятся по одну сторону непроницаемой границы между добром и злом, а все остальные, «бочка меда» – по другую сторону. Но кто это определяет? Обычно это делают те, кто защищает Систему. Они хотят изолировать проблему, чтобы направить внимание в выгодном для себя направлении и снять ответственность с тех, кто находится «наверху» и виновен в создании тяжелых условий труда или несет ответственность за отсутствие контроля и руководства. Привычка все объяснять «ложкой дегтя» игнорирует «бочку меда» и ее возможности развращать тех, кто к ней принадлежит. Системный анализ, напротив, занимается создателями «бочки», теми, кто обладает властью решать, какой будет эта «бочка».

Именно властвующая элита, производители «бочки», оставаясь за кулисами, часто создают условия жизни для всех нас, кому существовать в среде, возникшей благодаря все той же элите. Социолог Чарльз Райт Миллс прекрасно описывает эту «черную дыру» власти:

«Властвующая элита состоит из тех, чье положение позволяет оставаться вне тех условий, в которых живут обычные люди; их положение позволяет им принимать решения, имеющие серьезные последствия. Принимают ли они такие решения или нет – имеет меньшее значение, чем сама значимость их положения: их отказ действовать, отказ принимать решения сами по себе зачастую имеют более важное значение,

чем их решения как таковые. Они стоят во главе обширных иерархий и организаций современного общества, они управляют большими корпорациями, руководят государственной машиной и утверждают ее прерогативы. Они возглавляют военные организации, они занимают стратегические командные посты в социальной структуре, где сегодня сосредоточены эффективные средства власти, а также богатство и известность, которыми наслаждаются представители “элиты”¹⁹».

Если интересы представителей разных групп политической власти совпадают, они начинают определять реальность, в которой мы живем, – как предвидел Джордж Оруэлл в романе «1984». Военно-корпоративно-религиозный комплекс – окончательная мегасистема, управляющая сегодня основными ресурсами страны и качеством жизни большинства американцев.

Когда власть испытывает постоянный страх, она становится страшна.

Эрик Хоффер. Страстное состояние ума (The Passionate State of Mind)

¹⁹ Wright Mills C. The Power Elite. New York: Oxford University Press, 1956. P. 3–4.

Власть создавать «врага»

Власти предрержащие обычно не совершают злодеяний сами, как и главари мафии, которые оставляют грязную работу рядовым «бойцам». Системы создают иерархии, где влияние и связи направлены сверху вниз – и лишь очень редко снизу вверх. Если властвующая элита хочет уничтожить враждебное государство, она обращается к экспертам по пропаганде, которые разрабатывают программу ненависти. Что может заставить граждан одной страны настолько возненавидеть граждан другой, чтобы начать их изолировать, пытаться и даже убивать? Для этого нужен «образ врага», психологическая конструкция, глубоко укореняемая в умах граждан страны с помощью пропаганды, которая превращает других людей во «врагов». «Образ врага» – самый сильный мотив для солдата, он заряжает его оружие патронами ненависти и страха. Образ страшного врага, угрожающего личному благополучию граждан и национальной безопасности страны, заставляет матерей и отцов отправлять сыновей на войну и позволяет правительствам расставлять приоритеты по-новому, заменяя орудия труда орудиями войны.

Это делается с помощью слов и образов. Перефразируя старую поговорку, когда слово бьет, то и палка не нужна. Все начинается с создания стереотипных представлений о «другом», с дегуманизованного образа «другого», как ник-

чемного или как всесильного, демонического, абстрактного монстра, несущего тотальную угрозу нашим самым дорогим ценностям и убеждениям. В атмосфере всеобщего страха, когда вражеская угроза кажется неизбежной, разумные люди начинают вести себя абсурдно, независимые люди подчиняются бессмысленным приказам, мирные люди превращаются в воинов. Выразительные и зловещие образы врага на плакатах, на телевидении, на обложках журналов, в кино и в Интернете запечатлеваются в глубинах лимбической системы, структуры примитивного мозга, и этот процесс сопровождается сильными чувствами страха и ненависти.

Социальный философ Сэм Кин блестяще описывает, как пропаганда практически любой страны, которая готовится к войне, создает «образ врага», и демонстрирует трансформирующее влияние «образа врага» на душу человека²⁰. Желания устранить эту угрозу оправдывают вторичные, искусственные объяснения, предназначенные для официальных документов. Они нужны не для того, чтобы критически оценить будущие – или уже существующие – жертвы и разрушения.

Самый крайний случай применения «образа врага» – это, конечно же, геноцид, спланированное уничтожение одним народом всех тех, кого велено считать его врагами. Мы зна-

²⁰ *Keen S. Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination / Enlarged ed. San Francisco, CA: Harper & Row, 2004. См. также впечатляющий DVD-диск, который создали Билл Джерси и Сэм Кин. Дальнейшую информацию можно найти на сайте: <http://www.samkeen.com>.*

ем о том, каким образом пропагандистская машина Гитлера превратила соседей, сотрудников и даже друзей-евреев в презируемых врагов государства, заслуживающих «окончательного решения». Этот процесс стартовал с учебников для начальной школы, где евреев стали изображать презренными и не достойными ни малейшего сострадания. Здесь я хотел бы кратко рассмотреть недавний пример геноцида и изнасилований как оружия против человечности. Затем я покажу, как один аспект этого сложного психологического процесса, аспект дегуманизации, можно исследовать в условиях управляемого эксперимента, изолируя важнейшие элементы для систематического анализа.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ: ГЕНОЦИД, ИЗНАСИЛОВАНИЯ И ТЕРРОР

Не менее трех тысяч лет мировая литература убеждает нас, что любой человек и любое государство способны творить зло. В летописи Троянской войны Гомера Агамемнон, полководец греческой армии, говорит своим людям перед сражением с врагами:

Чтоб никто не избег от погибели черной
И от нашей руки; ни младенец, которого мать
Носит в утробе своей, чтоб и он не избег! Да погибнут

В Трое живущие все и, лишённые гроба, исчезнут!²¹

Эти ужасные слова принадлежат достойному гражданину одного из самых цивилизованных государств того времени, родины философии, юриспруденции и классической драмы.

Мы живем в «век массовых убийств». В XX веке более 50 млн человек стали жертвами систематических убийств, узаконенных правительствами и исполняемых солдатами и гражданскими лицами, охотно выполняющими приказ убивать. Начиная с 1915 г. в Османской Турции были убиты 1,5 млн армян. В середине XX века нацисты ликвидировали не менее 6 млн евреев, 3 млн советских военнопленных, 2 млн поляков и сотни тысяч представителей «нежелательных» народов. Советская империя Сталина уничтожила 20 млн русских, политика Мао Цзэдуна привела к еще большему числу смертей – было убито около 30 млн граждан Китая. В Камбодже коммунистический режим красных кхмеров уничтожил 1,7 млн жителей своей страны. Партия «Баас» Саддама Хусейна обвиняется в убийствах 100 000 курдов в Ираке. В 2006 г. разразился геноцид в суданской провинции Дарфур, которого почти весь мир предпочел не заметить²².

²¹ Цит. по: Гомер. Илиада. Пер. Н. И. Гнедича.

²² *Simons L. W. Genocide and the Science of Proof // National Geographic. 2006. Jan. P. 28–35.* См. также прекрасный анализ массовых убийств в работе: *Dutton D. G., Doyankowski E. O., Bond M. H. Extreme Mass Homicide: From Military Massacre to Genocide // Aggression and Violent Behavior. 2005. Vol. 10, May – June. P. 437–*

И почти те же слова, которые произнес Агамемнон три тысячелетия назад, прозвучали совсем недавно, в далекой африканской стране Руанде, когда представители господствующего народа хуту принялись истреблять своих соседей, принадлежащих к этническому меньшинству тутси. Одна женщина, жертва этого геноцида, вспоминает, как один из мучителей сказал ей: «Мы собираемся убить всех тутси, и когда-нибудь дети хуту будут спрашивать, как выглядели дети тутси».

Изнасилование Руанды

Миролюбивые представители народа тутси, граждане центральноафриканской страны Руанды, однажды обнаружили, что оружием массового поражения могут быть простые мотыги. Систематическое уничтожение тутси их соседями, хуту, началось весной 1994 г. В течение нескольких месяцев геноцид охватил всю страну. Батальоны смерти, вооруженные мотыгами и дубинками, усыпанными гвоздями, убива-

473. Эти психологи утверждают, что выбор жертв резни, геноцида или политических преследований зависит от политических и исторических факторов. Этот выбор основан на том убеждении, что в прошлом некая социальная группа имела или получала незаслуженные преимущества. Это позволяет оправдать насилие как месть против этой «злокозненной» группы. В свою очередь, это представление оправдывает убийство мирных жителей на том основании, что в будущем они могут представлять опасность для агрессоров, «восстанавливающих справедливость».

ли тысячи невинных мужчин, женщин и детей. В отчете Организации Объединенных Наций сказано, что за три месяца было убито от 800 000 до 1 млн руандийцев. Эта резня стала самой жестокой за всю историю Африки. Было уничтожено три четверти населения тутси.

По приказу властей хуту убивали бывших друзей и ближайших соседей. Десять лет спустя один убийца-хуту сказал в интервью: «Хуже всего было убивать соседа; мы часто вместе выпивали, его коровы паслись на моей земле. Он был мне почти родственником». Одна женщина-хуту описала, как забила до смерти соседских детей, смотревших на нее с наивным изумлением, потому что их семьи всю жизнь жили по соседству и дружили. Она вспоминает, как какой-то государственный чиновник сказал ей, что тутси – их враги. Потом он дал ей дубинку, а ее мужу – мотыгу, чтобы они могли устранить эту угрозу. Она оправдывала свои действия тем, что оказывала детям «услугу» – если бы она не убила их, они стали бы беспомощными сиротами, ведь их родители были уже убиты.

До недавних пор систематическим изнасилованиям руандийских женщин как тактике террора и духовного уничтожения почти не уделяли внимания. По некоторым данным, изнасилования начались с того, что лидер хуту, майор Сильвестр Кекумбиби, сперва изнасиловал дочь своего бывшего друга-тутси, а потом отдал ее на растерзание другим мужчинам. По ее словам, он сказал ей: «Мы не будем тратить на

тебя пули; мы тебя изнасилуем, и это будет гораздо хуже».

В истории были подобные случаи – например, изнасилования китайских женщин японскими солдатами в Нанкине (далее мы поговорим об этом подробнее). Но тогда, на фоне других событий, эти ужасы остались незамеченными, и китайцы не желали их вспоминать, а тем более о них рассказывать. Но о психологических мотивах изнасилований руандийских женщин известно довольно много²³.

Жители деревни Бутаре оказали сопротивление ополченцам хуту, и временное правительство отправило туда специального представителя, чтобы подавить «восстание». Посланница занимала пост министра по делам семьи и женщин, она была любимой дочерью деревни Бутаре – здесь она выросла. Ее звали Полин Ньирамасухуку, она принадлежала к народу тутси, была в прошлом социальным работником и читала лекции о правах женщин. Она была единственной надеждой этой деревни. Но эта надежда не оправдалась. Полин приготовила ужасную ловушку. Она объявила жителям деревни, что на местном стадионе Красный Крест обеспечит им питание и убежище; на самом деле на стадионе их ждали вооруженные головорезы-хуту (интерахамве). В итоге почти все жители деревни были убиты. Их расстреляли из пу-

²³ Печальная история использования изнасилований как средства террора связана с одной женщиной, которую журналист Питер Лэндсмен в своей статье, опубликованной в журнале *New York Times Magazine*, назвал «Министром по изнасилованию». См.: *Landesman P. A Woman's Work // The New York Times Magazine*. 2002. Sept. 15. P. 82–131. (Все дальнейшие цитаты – из этой статьи.)

лемета, в толпу безоружных, ничего не подозревающих людей бросали гранаты, а оставшихся в живых по одному добивали мотыгами.

Полин отдала солдатам приказ: «Прежде чем убить женщин, вы должны их изнасиловать». Другой группе головорезов она приказала сжечь живьем семьдесят женщин и девочек, которых они взяли в плен, и даже принесла для этого бензин из своей машины. Она снова побуждала мужчин насиловать своих жертв перед тем, как их убить. Один парень сказал переводчику, что солдаты не могли никого изнасиловать, потому что «убивали весь день и устали. Мы только разлили бензин по бутылкам, облили женщин и подожгли».

Одну девушку по имени Роуз изнасиловал сын Полин, Шалом. Он заявил, что мать «разрешила» ему насиловать женщин-тутси. Эту девушку единственную оставили в живых, чтобы она могла предоставить Богу отчет об этом геноциде. Ей пришлось наблюдать, как насилуют ее мать и убивают еще двадцать ее родственников.

В отчете ООН указано, что всего за несколько тех ужасных месяцев было изнасиловано как минимум 200 000 женщин, и многие из них позже были убиты. «Некоторых насиловали копьями, стволами ружей, бутылками и ветками банановых деревьев. Половые органы калечили мотыгами, обливали их кипящей водой и кислотой; им отрезали грудь». «Более того, изнасилования, совершавшиеся обычно по очереди, как правило, сопровождались другими физическими

пытками и происходили на глазах у зрителей, что позволяло максимально терроризировать и запугивать их». Все это использовалось и для укрепления социального единства среди убийц-хуту. Дух товарищества среди мужчин часто является побочным продуктом групповых изнасилований.

Жестокость и бесчеловечность не знали границ. «На глазах у мужа 45-летнюю руандийку изнасиловал ее 12-летний сын – интерахамбе приставил тесак к его горлу, а остальных пятерых маленьких детей заставляли раздвинуть ей ноги». В Руанде до сих пор продолжается стремительное распространение СПИДа среди выживших жертв изнасилований. «Используя страшную болезнь как апокалиптический кошмар, как биологическое оружие, вы уничтожаете саму возможность продолжения рода, насылая смерть на будущие поколения», – пишет Чарльз Строзье, профессор истории Колледжа уголовного права им. Джона Джея в Нью-Йорке.

Как же подступиться хотя бы немного к пониманию тех сил, которые превратили Полин в преступницу нового типа: женщину – врага женщин? В этом могут помочь данные истории и социальной психологии, объясняющие, как распределяются в обществе статус и власть. Во-первых, эта женщина попала под влияние общего представления о том, что женщины-хуту имеют более низкий статус по сравнению с красивыми и высокомерными женщинами-тутси. Тутси выше ростом, у них более светлая кожа и более «европейские» черты лица. Поэтому они больше нравятся мужчинам, чем

женщины-хуту.

Расовые различия между тутси и хуту были искусственно созданы бельгийскими и немецкими колонизаторами в начале XX века, потому что им нужно было как-то отличать друг от друга племена, члены которых в течение многих столетий вступали в смешанные браки, говорили на одном языке и разделяли одну религию. Они выдали всем руандийцам удостоверения личности, где было указано, к какому племени относится человек, к большинству, хуту, или к меньшинству, тутси. При этом тутси обычно были лучше образованы и занимали высокие административные должности. Это стало еще одной причиной скрытой мстительности Полин. Кроме того, она была «выскочкой», единственной женщиной в правительстве, и ей нужно было продемонстрировать начальству лояльность, повиновение и патриотическое рвение. Поэтому она стала организатором преступлений, которых женщины никогда раньше не совершали. Кроме того, массовые убийства и изнасилования было легче провоцировать, называя их просто абстрактными «мерами» и обзывая тутси дегуманизирующим прозвищем: это были «тараканы», которых нужно было «истребить». Вот живое документальное свидетельство: в «образе врага» лица были раскрашены в цвета ненависти, а холст уничтожен.

По словам Николь Бержевен, адвоката Полин на процессе, связанном с ее участием в геноциде, невозможно представить, что человек преднамеренно вдохновлял на такие чу-

довищенные преступления: «Участвуя в судебных процессах, связанных с убийствами, понимаешь, что все мы уязвимы. Мы не можем себе представить, что способны на подобные действия. Но постепенно понимаешь, что это может случиться с каждым. Это могло случиться со мной, это могло случиться с моей дочерью. Это могло случиться с вами».

Еще ярче подтверждает один из основных тезисов этой книги профессиональное мнение Элисон де Форже из правозащитной организации Human Rights Watch, которая исследовала множество подобных варварских преступлений. Де Форже призывает нас увидеть в этих злодеяниях наше собственное отражение:

«Возможность подобного поведения таится в глубинах каждого из нас. Упрощенные представления о геноциде позволяют нам дистанцироваться от тех, кто его совершает. Эти люди так ужасны, что мы не можем и помыслить, что способны на что-то подобное. Но если вспомнить невероятное давление, которое испытывали на себе эти люди, мы вынуждены признать их человечность – и это вызывает тревогу. Мы вынуждены объективно взглянуть на ситуацию и спросить себя: “А как бы я поступил на их месте?” Иногда ответ неутешителен».

Французский журналист Жан Хатцфельд взял интервью у десяти ополченцев-хуту, отбывающих наказание за убий-

ства тысяч мирных тутси²⁴. Признания этих людей – фермеров, ревностных христиан и даже одного бывшего учителя – ужасающе бесстрастная и безжалостная хроника невыносимой жестокости. Слова этих людей вынуждают нас снова и снова встречаться с невообразимым: человек может забыть о собственной человечности ради бессмысленной идеологии, выполняя и перевыполняя приказы харизматичных лидеров, призывающих убивать всех, кого они объявляют «врагами». Вот несколько таких свидетельств, перед которыми бледнеет даже «Хладнокровное убийство»²⁵ Трумена Капоте.

«Я стал убивать так часто, что в этом уже не было ничего особенного. Я хочу, чтобы вы поняли: от первого человека, которого я убил, и до последнего я не пожалел ни об одном из них».

«Мы выполняли приказ. Когда мы строились, то испытывали какой-то подъем. Мы собирались в команды на футбольном поле и шли на охоту, как единомышленники».

«Любому, кто не хотел убивать, потому что жалел этих людей, нужно было следить за своими словами, чтобы не выдать своих сомнений, иначе его могли обвинить в предательстве».

²⁴ *Hatzfeld J. Machete Season: The Killers in Rwanda Speak. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005.*

²⁵ «Хладнокровное убийство» (In Cold Blood) – роман американского писателя Трумена Капоте, основанный на истории реального преступления, совершенного в 1959 г. в Канзасе, и раскрывающий природу насилия как сложного социального и психологического феномена. – *Прим. пер.*

«Мы убили всех, кого нашли [спрятавшимися] в кустах. Мы не выбирали, не ждали и не боялись. Мы резали знакомых, резали соседей, резали всех».

«У нас были соседи-тутси – мы знали, что они ни в чем не виноваты, но мы думали, что это из-за тутси у нас такая тяжелая жизнь. Мы больше не смотрели на них по отдельности, мы уже не узнавали в них тех, кем они были, даже друзей и соседей. Они стали угрозой, большей, чем все, что мы пережили вместе с ними, большей, чем наша дружба. Мы так рассуждали и поэтому убивали».

«Когда мы ловили тутси на болотах, мы не считали их людьми. Я имею в виду, такими же людьми, как мы, с такими же мыслями и чувствами. Охота была жестокая, охотники тоже были жестокими, жертвы были жестоки – жестокость была сильнее разума».

Особенно волнующее свидетельство зверских убийств и изнасилований принадлежит Берте, выжившей женщине тутси. В то же время оно иллюстрирует тему, к которой мы скоро вернемся:

«Я и раньше знала, что человек может убить другого человека. Такое происходит сплошь и рядом. Теперь я знаю, что даже человек, с которым вы делили еду, с которым вы рядом спали, даже он может вас убить просто так. Самый близкий сосед может запросто вас убить: вот чему меня научил этот геноцид, и мои глаза больше не смотрят на мир так, как раньше».

В книге «Рукопожатие с дьяволом» (Shake Hands with the Devil)²⁶ генерал-лейтенант Ромео Даллер, командующий силами ООН в Руанде, приводит ужасающие описания того, что он видел. Благодаря своей героической изобретательности он смог спасти тысячи людей. Но этот бесстрашный военный командир чувствовал себя опустошенным, потому что не всегда мог добиться действенной помощи от Организации Объединенных Наций, хотя она могла бы предотвратить множество других злодеяний. В итоге у него развилось тяжелое посттравматическое стрессовое расстройство – психологическое последствие резни²⁷.

Изнасилования в Нанкине, Китай

Жестокость, связанная с изнасилованиями, настолько выразительна и ужасна, и в то же время ее так легко себе

²⁶ Dallaire R., Beardsley B. Shake Hands with the Devil: The Failure of Humanity in Rwanda. New York: Carroll and Graf, 2004.

²⁷ Психолог Роберт Джей Лифтон, автор книги «Нацистские врачи» (The Nazi Doctors), утверждает, что изнасилование часто является эффективным оружием, позволяющим создать атмосферу непрерывных страданий и чрезвычайных унижений, и не только для самой жертвы, но и для тех, кто ее окружает. «Женщина считается символом чистоты. Этот символ – основа семьи. И когда она подвергается подобному вандализму, это бесчестит всех. Этот факт сохраняет навсегда унижения у оставшихся в живых и у их семей. Поэтому изнасилование действительно может быть хуже смерти» (Landesman P. A Woman's Work. P. 125). См. также: Mass Rape: The War Against Women in Bosnia-Herzegovina / Ed. by A. Stiglmayer. Lincoln: University of Nebraska Press, 1994.

представить, что она становится символом других, поистине невообразимых злодеяний войны. В течение всего нескольких кровавых месяцев 1937 г. японские солдаты забили до смерти от 260 000 до 350 000 мирных жителей Китая. Погибло больше людей, чем во время атомных бомбардировок в Японии, и больше, чем мирных жителей в большинстве европейских стран во время Второй мировой войны.

Кроме количества убитых нам важно знать «творческие» методы, придуманные мучителями и делающие даже смерть желанной. Писательница Айрис Чанг провела расследование этих ужасных событий и обнаружила, что мужчин-китайцев использовали как чучела во время обучения обращению со штыком и «соревнований» по обезглавливанию. Было изнасиловано от 20 000 до 80 000 женщин. Солдаты часто этим не ограничивались – они разрезали женщинам животы, отрезали груди, живьем прибивали своих жертв гвоздями к стене. Отцов заставляли насиловать своих дочерей и сыновей, а матерей и других членов семьи – наблюдать за этим²⁸.

Война порождает жестокость и оправдывает варварское обращение со всеми, кто считается «врагом», недочеловеком, демоном, другим. Насилие в Нанкине приобрело печальную известность благодаря ужасающим крайностям, к которым прибегали солдаты, чтобы унижить и уничтожить невинных мирных жителей, «вражеское население». Но ес-

²⁸ *Chang I. The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II. New York: Basic Books, 1997. P. 6.*

ли бы эти события были чем-то исключительным, а не обычным фрагментом полотна истории бесчеловечного отношения к мирным людям, можно было бы подумать, что это какая-то аномалия. Но это не так. Британские солдаты убивали и насиловали мирных жителей во время войны за независимость в Америке. В конце Второй мировой войны и в 1945–1948 гг. солдаты Советской армии изнасиловали около 100 000 берлинских женщин. Помимо изнасилований и убийств более 500 мирных жителей в 1968 г. во время резни в Милай (Сонгми), согласно недавно обнародованным секретным материалам Пентагона, было еще 320 случаев злодеяний американцев против мирного населения во Вьетнаме и Камбодже²⁹.

Дегуманизация и отключение внутреннего контроля в лабораторных условиях

Предположим, что почти все люди почти всегда следуют моральным принципам. Но давайте представим себе, что моральные принципы – это нечто вроде рычага переключения передач, который иногда оказывается в нейтральном положении. И когда это происходит, мораль «отключается». Если при этом «машина» оказалась на склоне, она вместе с води-

²⁹ *Badkhen A.* Atrocities Are a Fact of All Wars, Even Ours // San Francisco Chronicle. 2006. Aug. 13. P. E1–E6; *Nelson D., Turse N.* A Tortured Past // Los Angeles Times. 2006. Aug. 20. P. A1, ff.

телем покатится вниз. И тогда все зависит от обстоятельств, а не от умений или намерений водителя. Мне кажется, эта простая аналогия хорошо иллюстрирует одну из основных тем теории отключения внутреннего контроля, которую разработал мой коллега из Стэнфорда Альберт Бандура. В следующих главах мы рассмотрим эту теорию, которая объясняет, почему хорошие люди иногда совершают плохие поступки. Я хочу обратиться к экспериментальному исследованию, которое провели А. Бандура и его ассистенты. Оно прекрасно иллюстрирует ту легкость, с которой моральные принципы можно «отключить» с помощью методов, дегуманизирующих потенциальную жертву³⁰. Давайте рассмотрим прекрасный эксперимент Бандуры, демонстрирующий всю мощь методов дегуманизации, когда всего одного слова оказывается достаточно, чтобы вызвать агрессию по отношению к жертве. Давайте посмотрим, как проходил этот эксперимент.

Представьте себе, что вы – студент колледжа и добровольно вызвались участвовать в исследовании, посвященном решению проблем в группе. Вы входите в команду из трех человек, двое других – тоже студенты вашего колледжа. Ва-

³⁰ Bandura A., Underwood B., Fromson M. E. Disinhibition of Aggression Through Diffusion of Responsibility and Dehumanization of Victims // Journal of Research in Personality. 1975. Vol. 9, № 4. P. 253–269. Участники полагали, что другие студенты, якобы находившиеся в соседней комнате, получают удары током; на самом деле животные или другие люди (которых на самом деле в соседней комнате не было) не получали ударов током.

ша задача состоит в том, чтобы помочь студентам из другого колледжа улучшить навыки решения проблем в группе, наказывая их за ошибки. Наказанием служат удары током; от пробы к пробе силу тока можно увеличивать. Ассистент записывает ваши имена, имена участников группы ваших «учеников» и уходит, чтобы сообщить экспериментатору, что можно начинать исследование. Всего будет десять проб, и каждый раз вы можете сами определять силу удара током, который получают студенты другой группы, сидящие в соседней комнате.

Тут вы «случайно» слышите, как ассистент по внутренней связи жалуется экспериментатору, что студенты другой группы – «какие-то животные». Эта «случайность» – тоже часть сценария эксперимента, но вы этого не знаете. Есть еще две группы, куда случайным образом попали другие студенты, такие же, как и вы. Ассистент называет студентов из этих других групп «хорошими ребятами» или вообще ничего о них не говорит.

Оказывают ли эти простые слова какое-то влияние на ваше поведение? Сначала кажется, что нет. В первой пробе все группы отвечают одинаково и получают удары низкой силы, примерно второго уровня. Но скоро оказывается, что комментарии ассистента о незнакомых студентах из других групп все-таки имеют значение. Если вы ничего не знаете о своих «учениках», то постоянно выбираете среднюю силу тока, примерно пятого уровня. Если вы считаете их «хоро-

шими ребятами», то относитесь к ним гуманнее и выбираете значительно более низкую силу тока, близкую к третьему уровню. А к тем, кого обозвали «животными», вы не испытываете ни малейшего сострадания. И когда те ошибаются, вы выбираете все более высокую силу тока, значительно превышающую силу тока в других группах. Вы устойчиво продвигаетесь к восьмому уровню.

Давайте задумаемся о тех психологических процессах в вашей голове, которые запускают простые слова ассистента. Вы случайно услышали, как незнакомый вам человек говорит какому-то «боссу», которого вы никогда не видели, что другие студенты – это «животные». Эта единственная оценка меняет ваше отношение к этим другим. Она стирает из вашей памяти образы друзей-сокурсников, которые не так уж отличаются от вас. И тем самым эта оценка оказывает мощное влияние на ваше поведение. Последующие рационализации, к которым прибегали студенты, чтобы объяснить, почему они выбирали такую большую силу тока для студентов-«животных», «давая им хороший урок», оказались не менее удивительными. Этот контролируемый эксперимент, исследующий скрытые психологические процессы, которые происходят в ситуациях реального насилия, мы подробнее обсудим в главах 12 и 13, когда будем говорить о том, как психологи-бихевиористы исследуют различные аспекты психологии зла.

Наша способность произвольно «включать» и

«выключать» свои моральные принципы... объясняет, почему люди могут быть ужасающе жестоки в один момент и полны сострадания в следующий.
Альберт Бандура³¹

Ужасные образы тюрьмы Абу-Грейб

Я написал эту книгу, потому что хотел лучше понять, как и почему солдаты американской военной полиции в тюрьме Абу-Грейб в Ираке совершали физическое и психологическое насилие по отношению к заключенным. В мае 2004 г. фотоснимки этих злоупотреблений облетели весь мир, и все мы впервые в истории своими глазами увидели, как американцы, мужчины и женщины, применяют невообразимые пытки к мирным людям, которых они вроде бы должны были охранять. Мучители и жертвы были запечатлены в большой коллекции цифровых документов, наглядно подтверждающих порочность солдат, участвовавших в этих жестоких эскападах.

Зачем они сохраняли фотографические доказательства

³¹ Цитата из статьи в *New York Times*, в которой идет речь о нашем исследовании механизмов отключения внутреннего контроля среди сотрудников исправительных учреждений, принимающих участие в исполнении смертной казни. См.: Casey B. In the Execution Chamber the Moral Compass Wavers // *The New York Times*. 2006. Feb. 7. См. Osofsky M. J., Bandura A., Zimbardo P. G. The Role of Moral Disengagement in the Execution Process // *Law and Human Behavior*. 2005. Vol. 29, № 4. P. 371–393.

своих незаконных действий? Ведь они понимали, что если снимки кто-нибудь увидит, то неприятностей не избежать. На этих «трофейных фотографиях», напоминающих снимки охотников прошлого, позирующих на фоне убитых животных, мы видим улыбающихся мужчин и женщин, издевающихся над «этими животными». На снимках мы видим, как заключенных избивают руками, кулаками и ногами; прыгают им на ноги; мы видим раздетых донага людей с мешками на головах, выстроенных в ряды и пирамиды; мы видим мужчин с женскими трусами на голове; мы видим, как мужчин-заключенных заставляют мастурбировать или имитировать фелляцию, а улыбающиеся женщины-охранницы с энтузиазмом снимают все это фотоаппаратом и видеокамерой; мы видим заключенных, подвешенных на балках камер; стоящих на четвереньках в собачьих ошейниках; мы видим, как людей травят служебными бойцовскими собаками.

Каноническим образом, который рикошетом отлетел из этой темницы на улицы Ирака, а оттуда – во все уголки земного шара, стал образ «человека-треугольника»: заключенный в треугольном капюшоне стоит на картонном ящике в напряженной позе с вытянутыми руками, а к его пальцам присоединены электропровода. Ему сказали, что если от усталости он упадет с ящика, то получит удар током и умрет, как на электрическом стуле. Неважно, что провода никуда не ведут; важно, что человек, запечатленный на этом снимке, поверил в эту ложь. Можно только догадываться, что он ис-

пытывал. Были еще более отвратительные фотографии, которые американское правительство решило не показывать общественности, потому что они, без всяких сомнений, нанесли бы сокрушительный удар по репутации американских войск, по администрации президента Буша и окончательно подорвали бы доверие к ним. Я видел сотни этих снимков, и они действительно ужасны.

Я был по-настоящему шокирован при виде таких страданий, такой демонстрации высокомерия, таких бесчеловечных оскорблений и унижений беспомощных заключенных. Я был поражен и тем, что одна из участниц всех этих зверств, девушка, которой едва исполнился двадцать один год, назвала все эти ужасы «просто шутками и играми».

Я был потрясен, но не удивлен. СМИ и «обычные люди» всего мира не могли понять, как эти семь мужчин и женщин, которых военное начальство объявило «плохими солдатами» и «ложкой дегтя в бочке меда», могли творить такие ужасы. Но я задавал себе другой вопрос: какие обстоятельства сложились в этом тюремном блоке? Каким образом они побудили хороших солдат совершать такие плохие поступки? Безусловно, ситуационный анализ подобных преступлений не оправдывает их с нравственной точки зрения. Скорее, я хотел найти смысл в этом безумии. Я хотел понять, как и почему характеры этих молодых людей подверглись столь сильной трансформации за столь короткое время. Что было в этой ситуации такого, что заставило их творить все эти

невероятные вещи?

Параллельные вселенные: Абу-Грейб и Стэнфордская тюрьма

Я был потрясен образами и историями злоупотреблений по отношению к заключенным в «театре ужасов» Абу-Грейб. Но не удивлен. И не случайно. Ведь раньше я уже видел нечто подобное. Тридцать лет назад я стал свидетелем не менее устрашающих сцен. Это было в ходе проекта, которым я руководил и который сам же и создал: голые заключенные, закованные в цепи, с мешками на головах; охранники, наступающие на спины заключенных, которые отжимаются от пола; охранники, подвергающие заключенных сексуальным унижениям; заключенные, переживающие невероятный стресс. Некоторые кадры, снятые во время моего эксперимента, почти в точности повторяли фотографии, сделанные в той далекой, печально известной иракской тюрьме Абу-Грейб.

Студенты колледжа, игравшие роли охранников и заключенных в экспериментальной тюрьме, которую мы создали в Стэнфордском университете летом 1971 г., почти в точности повторяли действия реальных охранников в реальной иракской тюрьме в 2003 г. И я не только видел все это своими глазами, я нес личную ответственность за создание условий, в которых подобные злоупотребления стали возможны. Как

научный руководитель проекта, я разработал эксперимент, в рамках которого нормальные, здоровые, интеллектуально развитые студенты колледжа случайным образом получали роли охранников или заключенных во вполне реалистичной экспериментальной «тюрьме», где им предстояло провести несколько недель. Мы с моими ассистентами Крейгом Хейни, Кертисом Бэнксом и Дэвидом Джаффе хотели лучше понять некоторые мотивы, движущие психологией заключенного.

Как обычные люди приспосабливаются к обстановке такого учреждения? Как дисбаланс власти между охранниками и заключенными отражается в их повседневном взаимодействии? Если поместить хороших людей в плохое место, что победит – люди или место? Можно ли избежать насилия, обычного для большинства реальных тюрем, в тюрьме, где содержатся хорошие мальчики из среднего класса? Вот некоторые вопросы, которые мы хотели исследовать в ходе эксперимента, который начинался как простой опыт из области тюремной жизни.

ИССЛЕДУЯ ТЕМНУЮ СТОРОНУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

Наш путь, как сказал бы Мильтон, приведет нас в «зримую тьму». Он приведет нас туда, где процветает зло – в любом значении этого слова. Мы встретим людей, которые

очень плохо вели себя по отношению к другим, часто руководствуясь высокими целями, благородной идеологией и моральным долгом. В этом путешествии мы встретимся с демонами, но возможно, будем разочарованы их банальностью и тем, насколько они похожи на наших соседей. С вашего разрешения я стану вашим гидом на этом пути и приглашу вас встать на место этих демонов, попрошу смотреть на мир их глазами. Это поможет вам увидеть зло с точки зрения его активного участника, увидеть его рядом, собственными глазами. Иногда эта картина будет по-настоящему уродливой. Но только исследуя и понимая причины зла, можно что-то изменить, встретить зло лицом к лицу, трансформировать его с помощью мудрых решений и новаторских социальных акций.

Эксперимент проходил в подвале Джордан-холла, где расположен факультет психологии Стэнфордского университета. Я опишу его обстановку, чтобы вы почувствовали, каково было быть заключенным, охранником или начальником тюрьмы в это время и в этом особом месте. Это исследование широко освещалось в СМИ и было описано в некоторых наших публикациях, но полностью его историю мы никогда не раскрывали. Я расскажу о событиях в том порядке, как они разворачивались, от первого лица, в настоящем времени, в хронологической последовательности восстанавливая основные моменты каждого дня и каждой ночи. Затем мы поговорим о значении и выводах Стэнфордского тю-

ремного эксперимента – этических, теоретических и практических. Мы расширим основания психологических исследований зла и обсудим некоторые экспериментальные и полевые психологические исследования, иллюстрирующие влияние ситуационных факторов на поведение личности. Мы подробно обсудим результаты детальных исследований конформизма, повиновения, деиндивидуации, дегуманизации, отключения внутреннего контроля и зла бездействия.

«Люди – не пленники судьбы, они пленники только собственного разума», – сказал президент Франклин Рузвельт. Тюрьма – это метафора несвободы и в буквальном, и в переносном смысле. Стэнфордский тюремный эксперимент, изначально задуманный как символическая тюрьма, в умах ее охранников и заключенных стал тюрьмой реальной, и даже слишком реальной. Какие еще тюрьмы мы создаем для себя? Как они ограничивают нашу свободу? Невротические расстройства, низкая самооценка, застенчивость, предрассудки, стыд и суеверный страх перед террористами – вот лишь некоторые химеры, не дающие нам быть свободными и счастливыми, искажающие восприятие окружающего мира³².

³² Недавно я коснулся этих вопросов в своей речи на церемонии вручения премии Фонда Гавела, которую получил 5 октября 2005 г., в день рождения Вацлава Гавела, бывшего президента Чешской Республики и ее героического революционного лидера. См. *Zimbardo P. G. Liberation Psychology in a Time of Terror*. Prague: Havel Foundation, 2005. Текст доступен в Интернете: <http://www.zimbardo.com/downloads/havelawardlecture.pdf>.

Поняв все это, мы вновь обратимся к событиям в тюрьме Абу-Грейб. Но мы пойдем дальше газетных заголовков и телевизионных штампов и попробуем выяснить, что на самом деле означало быть тюремным охранником или заключенным в той отвратительной тюрьме, в обстановке всех тех злоупотреблений. И здесь мы снова поговорим о пытках. И неважно, что со времен инквизиции они приняли новые формы. Я приглашу вас с собой на заседания военного трибунала над одним из американских военных полицейских, и мы увидим некоторые негативные последствия действий солдат. При этом мы пустим в ход все, что знаем о трех компонентах социальной психологии, сосредоточившись на том, как ведут себя люди в особых ситуациях, которые возникли и существуют благодаря определенным системным факторам. Мы устроим воображаемый судебный процесс над всей системой командования в армии США, чиновниками ЦРУ и представителями высшего руководства страны – над всеми соучастниками в деле создания неэффективной системы, породившей пытки и злоупотребления в тюрьме Абу-Грейб.

В первой части последней главы мы предложим некоторые принципы и рекомендации о том, как противостоять нежелательному социальному влиянию, как сопротивляться притягательным приманкам профессионалов по промыванию мозгов. Мы хотим знать, каким образом тактики управления сознанием лишают нас свободы выбора и заставляют уступить тирании конформизма, подчинения и разъедающих

душу сомнений и страхов. Я знаю, как сильна может быть власть ситуации. Но при этом я не склонен недооценивать способность человека действовать разумно и критично, на основании достоверной информации, и осознанно направлять свое поведение для достижения определенных целей. Понимая, как проявляется социальное влияние, осознавая, что любой из нас уязвим для его незаметной, но мощной власти, мы можем стать более мудрыми и сознательными потребителями и не окажемся легкой добычей всевозможных авторитетов, групповых мотивов, громких призывов и стратегий подчинения.

Я хочу закончить, с точностью до наоборот изменив вопрос, с которого мы начали. Я хочу, чтобы вы подумали не о том, способны ли вы творить зло, а о том, способны ли вы стать героем. Мой последний аргумент – понятие «банальности героизма». Я верю, что героем может стать каждый из нас. В подходящий момент, в определенной ситуации мы способны принять решение и действовать так, чтобы помочь другим, несмотря на риск и личные жертвы. Но прежде чем мы доберемся до этого счастливого конца, нам придется пройти долгий путь. Итак, *andiamo*³³!

«Ты – мой», – сказала миру власть.

*Мир превратил в темницу власти трон.
Любовь сказала миру: «Я – твоя».*

³³ Пошли (ит.). – Прим. ред.

Мир стал ей вольным домом.

Рабиндранат Тагор.

Одинокие птицы (Stray Birds)³⁴

³⁴ *Tagore R. Stray Birds. London: Macmillan, 1916. P. 24.* 1 мая 1970 г. в Кентском университете, штат Огайо, студенты выступили против продолжения войны во Вьетнаме и плана Ричарда Никсона и Генри Киссинджера ввести войска в Камбоджу. Студенты подожгли здание Службы подготовки офицеров резерва. Чтобы их утихомирить, была мобилизована тысяча национальных гвардейцев. Они применили против протестующих слезоточивый газ. Губернатор Огайо Джеймс Роудз заявил по телевидению: «Мы собираемся уничтожить проблему в корне, а не просто устранить ее симптомы». Это опрометчивое замечание привело к чрезвычайной жестокости по отношению к студентам. Они создали проблему – и их нужно было «уничтожить», без всяких сомнений и переговоров. 4 мая группа безоружных студентов подходила к 70 гвардейцам, вооруженным винтовками и штыками. Один гвардеец запаниковал и выстрелил в толпу. В слепой вспышке паники за ним последовали другие гвардейцы и тоже начали стрелять в студентов. За три секунды прозвучало 67 выстрелов! Четверо студентов были убиты; восемь – ранены, некоторые серьезно. Среди убитых и раненых оказались и те, кто не участвовал в демонстрации, – они просто проходили мимо и случайно оказались на линии огня. Одна убитая студентка, Сандра Шейер, находилась в 120 м от стрелявших. По иронии судьбы был убит и курсант Службы подготовки офицеров резерва Билл Шредер. Эти двое не участвовали в демонстрации и стали жертвами «сопутствующего ущерба». Один солдат позже сказал: «Мой разум говорил мне, что это неправильно, но я выстрелил в человека, и он упал». Никто так и не понес ответственности за эти убийства. Есть культовая фотография этого события: девушка в ужасе кричит над телом упавшего студента. Это событие также мобилизовало дальнейшие антивоенные настроения в Соединенных Штатах. Всего через 10 дней после резни в Кентском университете произошел еще один подобный случай, хотя он гораздо менее известен. В государственном колледже Джексона в Миссисипи были убиты три студента, 12 были ранены: национальные гвардейцы открыли огонь по чернокожим студентам в кампусе колледжа. Кроме этих

смертельных столкновений, почти все акции во время общенациональных студенческих забастовок в мае 1970 г. были относительно мирными, хотя было зафиксировано несколько случаев вандализма и насилия. Во многих ситуациях власти своевременно принимали меры, чтобы предотвратить насилие. Губернатор Калифорнии Рональд Рейган на четыре дня закрыл все 28 кампусов государственных университетов и колледжей. Гвардейцев отправили в кампусы университетов Кентукки, Южной Каролины, Иллинойса в Урбане и Висконсина в Мэдисоне. Были столкновения в Беркли, в университете Мэриленда в Колледж-Парке и в других местах. В государственном колледже Фресно в Калифорнии зажигательная бомба разрушила вычислительный центр, на создание которого недавно были потрачены миллионы долларов. Я дал несколько советов по поводу «тюрьмы», устроенной этими студентами, но не знал, что у них получилось, пока они не представили свой проект в классе на следующий день после своих «тюремных выходных». Я был поражен тем, какие сильные чувства они открыто выражали перед аудиторией. Это были гнев, фрустрация, стыд и замешательство, связанные с их собственным поведением и поведением друзей, играющих новые роли. Затем я стал задавать им вопросы, и стало очевидно, что ситуация действительно была очень тяжелой. Но студенты выбрали эту тему сами, и поэтому было неясно, дело в них или в «тюремной» атмосфере. Только управляемый эксперимент, где участники получают роли охранников и заключенных случайным образом, мог отделить личностные факторы от ситуационных. Этот студенческий проект стал одним из стимулов для создания этого эксперимента, который мы и провели следующим летом. Итоговый отчет Джаффе, представленный 15–16 мая 1971 г., называется просто «Смоделированная тюрьма» (A Simulated Prison). Неопубликованный отчет, Стэнфордский университет, весна 1971 г. Воскресенье. Тушеная говядина. Понедельник. Бобы с перцем чили. Вторник. Куриное рагу. Среда. Индейка по-королевски. Четверг. Оладьи с беконом. Пятница. Спагетти с фрикадельками. Завтрак: стакан сока и овсяные хлопья или вареные яйца и яблоко. Ланч: 2 куса хлеба с одной из следующих приправ: мясное ассорти, ветчина, печеночный паштет. Яблоко, печенье, молоко или минеральная вода.

Глава вторая

Воскресенье: неожиданные аресты

Едва ли эти молодые люди понимают, что сегодня церковные колокола Пало-Альто звонят по ним. Скоро их жизнь изменится совершенно неожиданным образом.

Воскресенье, 14 августа 1971 г., без пяти десять утра. Температура воздуха около двадцати градусов тепла, влажность, как обычно, низкая, видимость не ограничена; над нами – безоблачное ярко-голубое небо. В Пало-Альто, Калифорния, начинается еще один прекрасный летний день, который выглядит, как на рекламной открытке. Но здесь не признают других дней. Несовершенства и беспорядка в этом западном раю не терпят, так же, как и мусора на улицах или сорняков в саду у соседа. Как прекрасно жить в такой день в таком месте!

Это рай, где американская мечта стала реальностью, ее окончательным воплощением. Население Пало-Альто – около 60 000 человек, а его главное отличие – 11 000 студентов, которые живут и учатся на расстоянии примерно мили от Палм-драйв, вдоль которой по направлению к главному входу в Стэнфордский университет выстроились сотни пальм. Стэнфорд похож на город в городе. Его территория – больше 32 квадратных километров, здесь есть своя полиция,

своя пожарная охрана и свое почтовое отделение. Всего в часе езды на север – Сан-Франциско. Но Пало-Альто безопаснее, чище, тише – и белее. Почти все чернокожие живут по другую сторону шоссе 101, в восточной части города, Ист Пало-Альто. По сравнению с многоэтажными домами, к которым я привык, домики на одну или две семьи в Ист Пало-Альто напоминают приличный пригород, где мечтал бы жить мой школьный учитель, если бы ему удалось накопить достаточно денег, подрабатывая по вечерам таксистом.

И все же среди этого оазиса недавно стали назревать проблемы. В Окленде партия «Черные пантеры» выдвигает лозунги самоопределения черных американцев и призывает «всеми возможными способами» сопротивляться расизму. Тюрьмы становятся рекрутинговыми центрами для новой породы политических заключенных. Их идейный вдохновитель Джордж Джексон вместе с другими «братьями Соледад»³⁵ скоро предстанет перед судом по обвинению в предполагаемом убийстве тюремного охранника. Набирает ход движение за гражданские права женщин. Оно намерено положить конец отношению к женщине как к существу второго

³⁵ Джордж Джексон – американский заключенный, в тюрьме ставший борцом за права афроамериканцев, марксистом, писателем, членом партии «Черные пантеры». Убит при попытке бегства из тюрьмы Сан-Квентин 21 августа 1971 г. «Братья Соледад» – трое темнокожих заключенных, в том числе Дж. Джексон, тюрьмы Соледад в Калифорнии, которых обвинили в убийстве тюремного надзирателя 16 января 1970 г. в ответ на убийство трех заключенных. Дело «братьев Соледад» вызвало широкий резонанс и привлекло внимание граждан США к расовым проблемам. – *Прим. пер.*

сорта и открыть для нее новые возможности. Непопулярная война во Вьетнаме все еще не закончена, и список жертв растет с каждым днем. В попытках прекратить антивоенные манифестации правительство Никсона – Киссинджера применяет против антивоенных активистов все более жестокие методы, но это лишь усугубляет ситуацию. «Военно-промышленный комплекс» стал врагом нового поколения, и оно открыто бросает вызов его ценностям: агрессии, коммерции и эксплуатации. Для тех, кому нравится жить в истинную эпоху перемен, этот «дух времени» не имеет аналогов в новейшей истории.

ОБЩЕЕ ЗЛО, ОБЩЕЕ БЛАГО

Меня поражал контраст между атмосферой анонимности, в которой я жил в Нью-Йорке, и чувством принадлежности к сообществу и собственной индивидуальности, которые я нашел в Пало-Альто. Я решил провести простой полевой эксперимент, чтобы проверить, достоверны ли эти различия. Меня интересовали антисоциальные последствия анонимности. Что происходит, когда люди находятся в ситуации, провоцирующей агрессию, и при этом уверены, что их никто не узнает и не накажет? Под влиянием идеи о том, что «маски» высвобождают агрессивные импульсы, как это прекрасно описано в «Повелителе мух», я провел такое исследование. Оказалось, что испытуемые, находившиеся в ситуации

«деиндивидуации», охотнее причиняли боль другим, чем те, кто чувствовал себя «узнаваемым»³⁶. Теперь я хотел выяснить, как поступят добропорядочные граждане Пало-Альто в ответ на искушение в ситуации, провоцирующей вандализм. Я разработал полевой эксперимент с использованием съемки скрытой камерой. Мы оставили на улицах Пало-Альто пустую брошенную машину. Для сравнения, мы оставили такую же машину за три тысячи миль, в нью-йоркском Бронксе. Вполне приличные машины просто стояли на улице, рядом с кампусами Нью-Йоркского университета в Бронксе и Стэнфордского университета в Пало-Альто. И там и там машина стояла на улице с открытым капотом и снятыми номерными знаками – верными признаками угона, призванными ввести граждан в искушение вандализма. Члены моей исследовательской группы³⁷ незаметно наблюдали и фотографировали действия прохожих в Бронксе и снимали их скрытой видеокamerой в Пало-Альто.

В Бронксе первые вандалы появились еще до того как

³⁶ Это раннее исследование и теория деиндивидуации описаны в моем докладе, прочитанном в 1970 г.: *Zimbardo P. G. The Human Choice: Individuation, Reason, and Order Versus Deindividuation, Impulse, and Chaos // 1969 Nebraska Symposium on Motivation / Ed. by W. J. Arnold, D. Levine. Lincoln: University of Nebraska Press, 1970. P. 237–307.* Более свежую статью о вандализме можно найти в статье: *Zimbardo P. G. Urban Decay, Vandalism, Crime and Civic Engagement // Schrumpfende Stadte / Shrinking Cities / Ed. by F. Bolenius. Berlin: Philipp Oswald, 2005.*

³⁷ Скотт Фрэзер руководил исследовательской группой в Бронксе, а его коллега Эбб Эббесен – группой в Пало-Альто.

мы настроили записывающее оборудование. Грабить машину принялась целая семья. Папочка отдавал приказы: мамочке следовало почистить багажник, а сыну – заглянуть в бардачок. Отец семейства тем временем снимал аккумулятор. Потом проходившие и проезжавшие мимо люди то и дело останавливались, чтобы лишить наш беспомощный автомобиль всего мало-мальски ценного. Это было настоящее соревнование в разрушении. За этим эпизодом последовал парад вандалов, методично разбиравших нашу бедную нью-йоркскую машину на части, а потом уничтожавших то, что от нее осталось.

Журнал *Time* опубликовал печальный рассказ, посвященный этой городской анонимности в действии. Статья называлась «Дневник брошенного автомобиля»³⁸. За несколько дней мы зафиксировали 23 случая вандализма по отношению к нашему несчастному олдсмобилю, брошенному в Бронксе. Вандалы казались совершенно обычными гражданами. Все это были белые, хорошо одетые взрослые люди. Именно такие, как они, обычно требуют усилить полицейскую охрану, ужесточить борьбу с преступностью, и «совершенно согласны» с утверждением какой-нибудь анкеты о необходимости укреплять законность и правопорядок. Против ожиданий, только один из актов вандализма был совершен детьми – они просто отдались радости разрушения. Что еще удивительнее, все акты вандализма произошли среди бе-

³⁸ Diary of an Abandoned Automobile // Time. 1968. Oct. 1.

ла дня, и нам даже не понадобилась инфракрасная фото- пленка. Привычка к анонимности не требует темноты.

Какова же была судьба машины, оставленной в Пало-Аль- то? Она ведь была не менее привлекательной приманкой для вандалов. Тем не менее за целую неделю мы не зафиксиро- вали ни одного случая вандализма! Люди проходили и про- езжали мимо, смотрели на машину, но никто к ней даже не притронулся. Ну, не совсем. Однажды во время дождя некий заботливый джентльмен закрыл капот. (Господь запрещает мочить мотор!) Когда я наконец отогнал автомобиль в кам- пус Стэнфордского университета, трое свидетелей немед- ленно вызвали полицию, чтобы сообщить о возможном уго- не оставленного автомобиля³⁹. Вот мое рабочее определение «сообщества»: люди настолько заботятся о своем городе или районе, что, столкнувшись с необычной или, возможно, кри- минальной ситуацией, происходящей на их территории, го- товы действовать. Я полагаю, что такое просоциальное пове- дение основано на предположении о взаимном альтруизме. Люди верят, что на их месте другие сделали бы то же самое, чтобы защитить чью-то собственность или другого человека.

Вывод из этого небольшого опыта заключается в том, что условия, заставляющие нас чувствовать себя анонимными – когда мы думаем, что другие нас не знают или им все рав-

³⁹ Чтобы провести это полевое исследование, нам пришлось получить разре- шение местной полиции; она, между прочим, уведомила меня, что поступило со- общение от соседей о похищении оставленного автомобиля – конечно же, мной.

но, – часто способствуют антиобщественному, эгоистичному поведению. Мое более раннее исследование продемонстрировало, что анонимность – это сила, толкающая человека на агрессивные действия против других людей в условиях, когда можно нарушать обычные табу, запрещающие насилие по отношению к другим. Опыт с брошенной машиной расширил эти выводы и показал, что атмосфера анонимности является предварительным условием для нарушения общественного порядка.

Любопытно, что эта демонстрация стала единственным практическим доказательством, подтверждающим концепцию преступности, получившую название «теория разбитых окон». Эта теория гласит, что *атмосфера запустения* наряду с наличием преступников стимулирует преступления⁴⁰. Окружение и атмосфера, позволяющие людям оставаться анонимными, ослабляют ощущение личной и гражданской ответственности за свои действия. Это наблюдается во многих организациях – в школах, в офисах, в армии и в тюрьмах. Сторонники теории разбитых окон утверждают, что если привести район в порядок – убрать с улиц брошенные машины, стереть надписи на стенах, вставить разбитые окна, – количество преступлений и беспорядков на городских улицах снизится. Есть доказательства, что такие превентивные

⁴⁰ «Теория разбитых окон», состоящая в том, что можно снизить уровень преступности, поддерживая порядок в районе, впервые была описана в статье: *Wilson J. Q., Kelling G. L. The Police and Neighborhood Safety // The Atlantic Monthly. 1982. March. P. 22–38.*

меры оказались весьма действенными в некоторых городах, например в Нью-Йорке, но были не так эффективны в других городах.

В таких местах, как Пало-Альто, спокойно и тихо расцветает дух сообщества: здесь люди заботятся о физическом и социальном качестве своей жизни, а также имеют достаточно средств, чтобы улучшать и то и другое. Здесь атмосфера проникнута ощущением справедливости и доверия, составляющим контраст с агрессивными проявлениями несправедливости и цинизма, которые люди ежедневно наблюдают в некоторых других местах. Например, в Пало-Альто люди верят, что полицейское управление действительно борется с преступностью и сдерживает зло. И это действительно так, потому что здешние полицейские хорошо образованны, профессионально подготовлены, дружелюбны и честны. Полиция здесь следует правилам и поэтому действует справедливо, даже если иногда люди забывают, что полицейские – это всего лишь «синие воротнички», хотя они и одеты в полицейскую униформу, и если в городском бюджете не хватает средств, их могут уволить. Но иногда даже лучшие полицейские позволяют авторитету власти встать выше человечности. В таких местах, как Пало-Альто, это бывает редко. Но именно такой случай, как ни странно, связан с предысторией Стэнфордского тюремного эксперимента, который начался с «большого взрыва».

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В СТЭНФОРДЕ И В ДРУГИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Единственным пятном на репутации в высшей степени достойных городских властей и граждан Пало-Альто стали жестокие столкновения со студентами-радикалами Стэнфорда. В 1970 г. студенты выступили против действий Соединенных Штатов в Индокитае. Когда они начали громить здания университетского городка, я помог организовать конструктивные антивоенные выступления с участием нескольких тысяч других студентов: мы хотели показать, что насилие и вандализм просто привлекают негативное внимание СМИ, но не помогают прекратить войну, а наша мирная тактика, напротив, может в этом помочь⁴¹. К сожалению, новый ректор университета, Кеннет Питцер, запаниковал, вызвал полицию, и, как во многих подобных ситуациях по всей Америке, полицейские потеряли профессиональное самообладание и принялись избивать детей, которых обязаны за-

⁴¹ Я принимал участие в разработке программы тренинга для антивоенных активистов. Я предложил методы, которые бы позволили добиться поддержки граждан на приближающихся выборах, используя основные социально-психологические стратегии и тактику убеждения и переговоров. Мы с Бобом Абельсоном, моим бывшим преподавателем из Йельского университета, объединили эти идеи и методы в руководстве: *Abelson R. P., Zimbardo P. G. Canvassing for Peace: A Manual For Volunteers*. Ann Arbor, Mich.: Society for the Psychological Study of Social Issues, 1970.

щищать. Еще более жестокие столкновения между полицейскими и студентами произошли в университете Висконсина (в октябре 1967 г.), в Кентском государственном университете в Огайо (в мае 1970 г.) и в Государственном университете Джексона в Миссисипи (тоже в мае 1970 г.). Полиция стреляла в студентов колледжа, их калечили и убивали местные полицейские и национальные гвардейцы – эти доблестные защитники граждан. (Подробности описаны в примечании⁴².)

New York Times, 2 мая 1970 г., с. 1, 9:

«Всплеск антивоенных выступлений в кампусах – в первую очередь против событий в Камбодже –

⁴² Первыми в череде этих жестоких столкновений между полицейскими и студентами в кампусах стали беспорядки в Висконсинском университете в октябре 1967 г. Студенты протестовали против появления в кампусе рекрутеров компании Dow Chemical, производителя печально известных напалмовых бомб, выжигавших землю и убивавших мирное население во Вьетнаме. Здесь тоже ректор университета действовал слишком поспешно, понадеявшись, что городская полиция сумеет сдержать демонстрантов. Но полицейские применили слезоточивый газ, избивли студентов дубинками и устроили настоящий погром. Я вспоминаю особенно красноречивый снимок дюжины полицейских, избивающих одного-единственного студента, лежащего на земле. Лица почти всех полицейских скрыты масками от слезоточивого газа, почти все они без формы, по которой их можно было бы опознать. Анонимность плюс власть – рецепт катастрофы. Этот случай мобилизовал студентов по всем Соединенным Штатам. Большинство из этих студентов не интересовались политикой в прошлом и не участвовали в забастовках, в отличие от своих европейских товарищей, которые в самом прямом смысле вышли на баррикады в ответ на ограничения правительств в сфере свободного доступа к государственному образованию и другие несправедливые решения.

вчера принял множество форм и привел к следующим инцидентам.

После митинга и нападения на штаб Службы подготовки офицеров резерва в кампусе Колледж-Парк студенты Мэрилендского университета устроили столкновения с государственной полицией. В ответ губернатор штата Мэриленд Марвин Мандель поднял по тревоге два подразделения Национальной гвардии.

Около 2300 студентов и преподавателей Принстонского университета большинством голосов решили устроить забастовку как минимум до понедельника. На этот день запланирован массовый митинг, это приведет к бойкоту всех общественных институтов... Студенческая забастовка в Стэнфордском университете переросла в беспорядки в кампусе. Студенты забросали полицию камнями, а полиция использовала слезоточивый газ, чтобы рассеять демонстрантов».

В отчете о забастовках в Стэнфорде зафиксирован уровень насилия, никогда раньше не замеченный в этом буколическом университетском городке. Полицию вызывали в кампус не менее 13 раз. Было арестовано больше 40 человек. Самые серьезные демонстрации произошли 29 и 30 апреля 1970 г., после того как стало известно, что американцы вторглись в Камбоджу. Были вызваны полицейские даже из Сан-Франциско, студенты забросали их камнями. В кампусе впервые был использован слезоточивый газ. Ректор Питцер назвал эти дни «трагическими». Пострадало около 65 чело-

век, в том числе многие полицейские.

Между сообществом Стэнфордского колледжа, полицией Пало-Альто и бескомпромиссными, «жесткими» городскими властями возникло напряжение. Это был странный конфликт, потому что здесь никогда раньше не было подобной любви-ненависти, существовавшей, например, в отношениях между городскими властями Нью-Хейвена и студентами Йельского университета, которые я наблюдал, когда был аспирантом в Йеле.

Новый начальник полиции Пало-Альто, капитан Джеймс Зеркер, принявший бразды правления в феврале 1971 г., попытался рассеять враждебность, возникшую в результате действий его предшественника во время студенческих забастовок. Я обратился к нему с просьбой о сотрудничестве в рамках программы «деполяризации» между городской полицией и студентами Стэнфорда, и он охотно согласился⁴³. Молодые офицеры водили студентов на «экскурсии» по новому сверкающему зданию полицейского управления, а студенты в ответ приглашали полицейских пообедать в студенческой столовой и послушать лекции. Затем я предположил, что, возможно, полицейским-новичкам было бы интересно принять участие в наших исследованиях. Это было бы еще одно свидетельство того, что разумные люди способны на-

⁴³ Эту программу начала группа студентов Стэнфордского университета, ее поддержал муниципалитет Пало-Альто – я встретился с его представителями, чтобы убедить их в необходимости активных примирительных акций.

ходить разумные решения даже самых сложных социальных проблем. Однако именно так я невольно содействовал появлению в Пало-Альто нового пристанища зла.

Капитан Зеркер согласился, что было бы интересно исследовать, как полицейские адаптируются к своей новой роли, и какие факторы помогают новичку превратиться в «хорошего полицейского». Прекрасная идея, ответил я, но для этого нужен большой грант, которого у меня нет. Однако у меня был небольшой грант, предназначенный для исследования психологии тюремных охранников; это, правда, узкая функциональная роль, связанная также с более ограниченной территорией. Как насчет того, чтобы создать «тюрьму», в которой молодые полицейские и студенты колледжа смогли бы сыграть роли и охранников, и заключенных? Капитану эта идея понравилась. В дополнение к данным, которые я мог получить в таком исследовании, это был бы хороший личный опыт для его людей. Поэтому он согласился, чтобы несколько полицейских-новичков приняли участие в создании нашей искусственной тюрьмы. Я обрадовался: этот небольшой успех позже позволил мне добиться, чтобы его офицеры «арестовали» студентов, которым скоро предстояло стать нашими заключенными.

Когда все было почти готово к началу эксперимента, капитан отказался от идеи использовать своих людей в роли «заключенных» или «охранников». Он сказал, что не может отпустить их со службы на целых две недели. Но он хотел

продолжать сотрудничество и добровольно вызвался помочь в моем тюремном исследовании любым другим способом.

Я сказал, что идеальный способ начать исследование как можно более реалистично и драматично – чтобы аресты мнимых «заключенных» провели настоящие полицейские. Это заняло бы всего несколько часов в воскресенье утром и, конечно же, было очень важно для успеха исследования: «заключенные» внезапно теряли свободу, как это происходит при реальных арестах – а не являлись бы в Стэнфорд и добровольно «садились в тюрьму» в качестве участников исследования. Капитан неохотно согласился и пообещал, что в воскресенье утром дежурный сержант выделит для этого задания одну полицейскую машину.

КАТАСТРОФА: ПРОЕКТ МОЖЕТ СОРВАТЬСЯ В САМОМ НАЧАЛЕ

Я совершил ошибку: не получил от капитана письменного подтверждения его обещания. Реальность требует письменных документов (если соглашение не записано на аудио- или видеопленку). Я понял это в субботу и позвонил в полицию, чтобы получить подтверждение. Капитан Зеркер уже уехал на уик-энд. Плохое предзнаменование.

Как я и ожидал, в воскресенье дежурный сержант вовсе не собирался поручать полицейскому управлению Пало-Альто проведение неожиданных массовых арестов студентов кол-

леджа в связи с предполагаемыми уголовными преступлениями. И уж тем более он не станет этого делать без письменного разрешения руководства. Это был опытный полицейский, который вовсе не хотел впутываться в какой-то эксперимент, проводимый личностью из тех, кого вице-президент страны Спиро Агню обозвал «бесплодными интеллектуалами-снобамми». Очевидно, у его людей были более важные дела, чем играть в полицейских и воров ради какого-то дурацкого эксперимента. Он считал, что психологические эксперименты – это просто-напросто вмешательство в личную жизнь других людей и вытаскивание на свет Божий того, что посторонним знать не нужно. Должно быть, он считал, что психологи могут читать мысли, посмотрев вам в глаза. Поэтому он опустил глаза и сказал: «Мне очень жаль, профессор. Я бы и рад вам помочь, но правила есть правила. Я не могу дать своим ребятам другое задание, не получив официального разрешения».

Я уже ждал продолжения, вроде «приходите в понедельник, когда капитан будет на месте». Мне показалось, что мое так тщательно спланированное исследование закончилось, так и не начавшись. Все было готово: в подвале здания факультета психологии Стэнфорда мы оборудовали тюремные «камеры»; «охранники» выбрали для себя униформу и с нетерпением ждали, когда привезут первых «заключенных»; была приготовлена еда на первый день; дочь моего секретаря вручную сшила униформу для «заключенных»; в «каме-

рах» было установлено оборудование для видео- и аудиозаписи; мы заручились поддержкой студенческой поликлиники, юридического отдела, пожарной охраны и полиции кампуса; взяли напрокат кровати и постельное белье. Мы приложили массу усилий, чтобы все как следует организовать, ведь нам предстояло заботиться в течение двух недель о двух дюжинах добровольцев, одна половина которых должна была день и ночь оставаться в «тюрьме», а вторая – работать посменно, по 8 часов. Раньше я никогда не проводил экспериментов, которые требовали бы больше часа на одну пробу. Столько усилий – и все могло рассыпаться из-за простого «нет».

Твердо зная, что предусмотрительность – главное качество ученого, а помощь верных друзей – основной капитал обитателя Бронкса, и ожидая подобного сценария с того момента, как я узнал, что капитан Зеркер ушел со сцены, я убедил телережиссера с телеканала KRON из Сан-Франциско заснять захватывающее событие – неожиданные аресты студентов – для сюжета вечерней программы новостей. Я рассчитывал, что участие СМИ смягчит сопротивление официальных лиц, а заманчивая перспектива оказаться на телеэкране склонит полицейских на мою сторону.

«Очень жаль, сержант, что мы не можем сегодня сделать то, на что рассчитывал капитан. С нами телеоператор с четвертого канала, и он должен снять сюжет об арестах для вечерней программы новостей. Это было бы хорошим публи-

сити для полицейского управления, но может быть, капитан и не слишком расстроится, что вы решили изменить наши общие планы».

«Ну, я же не сказал, что я против, я просто не уверен, что мои люди готовы это сделать. Я ведь не могу отвлекать их от работы».

Тщеславие мне имя: время теленовостей

«Почему бы нам не поручить это двум офицерам? Если они не возражают, что их покажут по телевидению, когда они совершают обычные полицейские аресты, то, может быть, мы могли бы действовать так, как хотел бы капитан?»

«Мы согласны, сержант», – говорит младший офицер, Джо Спарако, приглаживая свои волнистые темные волосы и бросая взгляд на оператора с большой камерой, которую тот с невозмутимым видом держит на плече. «Сегодня воскресенье, ничего не происходит, а это, кажется, может оказаться интересным».

«Ладно, капитан, наверное, знает, что делает; если все уже оговорено, я не хочу создавать проблем. Но вот что я вам скажу: вы будете отвечать на все звонки и прекратите эксперимент, если вдруг мне понадобится».

Я вмешиваюсь: «Офицеры, не могли бы вы записать свои имена для репортера, чтобы он правильно произнес их перед камерой?» Мне нужно было заручиться их поддержкой,

что бы ни случилось на улицах Пало-Альто до того, как все наши «заключенные» будут арестованы и пройдут формальную процедуру задержания в управлении.

«Похоже, это важный эксперимент, раз его снимает телевидение и все такое, да, профессор?» – спрашивает другой полицейский по имени Боб, поправляя галстук и машинально положив руку на пистолет.

«Кажется, телевизионщики думают именно так, – говорю я, прекрасно понимая бессосновательность этого заявления, – неожиданные аресты, вы же понимаете. Это довольно необычный эксперимент, который может привести к интересным результатам; поэтому ваш шеф и дал добро. Вот имена и адреса девяти “подозреваемых”, которых нужно будет арестовать. Я буду в машине вместе с Крейгом Хейни, моим научным ассистентом. Мы будем ехать за вашей полицейской машиной. Вам придется ехать медленно, чтобы оператор успел снять все ваши действия. Арестуйте их одного за другим, в соответствии со стандартной процедурой, зачитайте им правило Миранды⁴⁴, общитесь с ними и наденьте наручники, как сделали бы с любым опасным подозреваемым. Первые пять подозреваемых обвиняются в краже, статья 459 Уголовного кодекса. Другие четверо подозреваются в вооруженном ограблении, статья 211. Привезите каждого в управ-

⁴⁴ Правило Миранды – юридическое требование в США, согласно которому перед допросом подозреваемый в совершении преступления должен быть уведомлен о своих правах. Названо по фамилии преступника-рецидивиста, сыгравшего важную роль в становлении этого правила. – *Прим. ред.*

ление, чтобы зарегистрировать их, взять отпечатки пальцев, заполнить идентификационные карточки и сделать все, что вы обычно делаете в таких случаях.

Затем отведите каждого в камеру предварительного заключения и выберите следующего подозреваемого из списка. Из камеры предварительного заключения мы перевезем “заключенных” в нашу тюрьму. Единственное исключение из правил, о котором мы вас просим, – завязать заключенному глаза перед тем, как поместить его в камеру, одной из вот этих повязок. Когда мы будем его перевозить, мы хотим, чтобы он не видел нас и не знал, куда мы его везем. Их увезут Крейг, другой мой помощник Керт Бэнкс и один из наших “охранников”, Венди».

«Звучит прекрасно, профессор, мы с Бобом отлично с этим справимся, никаких проблем».

ИТАК, ИСТОРИЯ НАЧИНАЕТСЯ⁴⁵

Мы покидаем кабинет сержанта и направляемся вниз, чтобы проверить комнату для допросов, – Джо и Боб, Крейг, оператор (его зовут Билл) и я. Все сияет новизной; это крыло здания главного городского офисного центра Пало-Альто построено совсем недавно. Оно находится поблизости – и в то же время очень далеко – от здания старой тюрьмы, которое потихоньку разрушается, но не от того, что тюрьма переполнена, а просто от старости. Я хотел, чтобы офицеры и оператор участвовали в процессе от первого до последнего ареста, и чтобы процедуры ареста как можно точнее соответствовали стандартным правилам. Чуть раньше я рассказал оператору о целях исследования, но сделал это очень кратко,

⁴⁵ Это описание подготовки к воскресным арестам в полиции Пало-Альто основано не на записях о наших действиях, а на моих позднейших воспоминаниях, а также на желании создать связный сюжет. Описание экспериментальных процедур и теоретического обоснования нашего исследования основано на том, что я рассказал капитану Зеркеру и руководителю телеканала KRON, чтобы заручиться их поддержкой и провести съемку арестов, а также оператору по пути в полицейское управление, в дополнение к тому, что, как я помню, я говорил в то утро полицейским, участвовавшим в арестах. Я хотел донести эту важную информацию до читателя, избежав при этом длинных наукообразных отступлений. Основные причины этого исследования были по большей части теоретическими. Мы хотели изучить относительное воздействие личностных и ситуационных факторов на трансформацию поведения в новом поведенческом контексте. В следующих главах мы поговорим об этом подробнее.

потому что был занят переговорами с сержантом. Мне пришло в голову, что я должен изложить всем участникам некоторые процедурные детали эксперимента, а также причины, по которым я решил его провести. Это помогло бы укрепить командный дух и показать, что я достаточно внимателен к ним и готов ответить на все вопросы.

«Эти ребята знают, что их собираются арестовать? Мы должны им сказать, что это эксперимент, или что?»

«Джо, они все добровольно вызвались участвовать в исследовании тюремной жизни. Они отозвались на наше объявление в газетах, в котором мы приглашали студентов колледжа, которые хотят заработать 15 долларов в день, приняв участие в двухнедельном эксперименте по психологии заключенных, и...»

«Вы хотите сказать, что эти ребята получают по 15 долларов в день за то, что просто две недели просидят в тюремной камере, ничего не делая? Мы с Джо тоже не отказались бы от такого. Похоже на шальные деньги».

«Возможно. Возможно, это шальные деньги, и если мы обнаружим что-нибудь интересное, то повторим исследование, и полицейские тоже смогут попробовать себя в роли заключенных и охранников. Мы обсуждали это с вашим шефом».

«Ну, в таком случае можете на нас рассчитывать».

«Как я сказал, мы отобрали девятерых студентов, которых вы скоро арестуете, из большой группы, примерно из ста человек, ответивших на наши объявления в *Palo Alto Times* и

The Stanford Daily. Мы отсеяли явно ненормальных, тех, кто в прошлом подвергался арестам по любым причинам, и тех, у кого есть какие-то проблемы со здоровьем или психикой. С оставшимися мы провели часовые интервью, чтобы провести их психологическую оценку. Кроме того, все они беседовали с моими помощниками, Крейгом Хейни и Кертом Бэнксом. В результате из этих добровольцев мы выбрали 24 человека, которые и станут участниками исследования».

«15 долларов умножить на 24 и на 14 – вам придется заплатить уйму денег. Надеюсь, не из вашего кармана, док?»

«Всего получится 5040 долларов, но исследование поддерживает государственный грант Управления морских исследований, я получил его для изучения антисоциального поведения, так что мне не придется платить участникам самому».

«Наверное, все студенты хотят быть охранниками?»

«Нет, наоборот, никто не захотел быть охранником; всех больше привлекала роль заключенных».

«С чего бы это? Вроде бы охранником быть веселее и безопаснее, чем заключенным, по крайней мере, мне так кажется. Другое дело, что 15 баксов за то, чтобы круглые сутки изображать заключенного, – это мало. Охранники, которые работают обычную смену, получают больше».

«Правильно, мы планируем, что охранники будут работать по восемь часов. У нас три команды из трех охранников, которые будут круглосуточно охранять девятерых заключен-

ных. Но наши студенты хотели быть заключенными, потому что они думают, что рано или поздно действительно могут оказаться в тюрьме – например, за уклонение от армии, нарушение правил дорожного движения или за участие в забастовках за гражданские права или в антивоенных выступлениях. Почти все они сказали, что никогда не представляли себя в роли тюремных охранников, ведь поступили в колледж не для того, чтобы пополнить ряды тюремной охраны. И хотя все они участвуют в эксперименте прежде всего из-за денег, некоторые хотят научиться чему-то полезному, попробовав себя в новой роли».

«Как вы отбирали охранников? Спорим, вы выбрали самых рослых парней?»

«Нет, Джо, мы распределили добровольцев на две группы случайным образом, это все равно что подбросить монетку. Если выпадает орел, доброволец получает роль охранника; если решка – то роль заключенного. Охранники только вчера узнали, какая роль им досталась. Они пришли в нашу небольшую “тюрьму” в подвале здания факультета психологии Стэнфорда, чтобы помочь нам закончить подготовку. Мы хотели, чтобы они познакомились с этим местом. Каждый из них выбрал себе униформу в местном магазине военных товаров, и сейчас они ждут, когда все начнется».

«Они прошли какое-то обучение, как быть охранниками?»

«К сожалению, у меня не было на это времени, но вчера

мы провели для них краткий курс; никаких определенных инструкций о том, как действовать, они не получили. Главное – обеспечивать порядок, не применять насилия к заключенным и не позволить им бежать. Я также попытался объяснить им особенности психологии мышления заключенных, которые переживают ощущение бессилия, – а мы хотим, чтобы наша тюрьма была похожа на настоящую.

Ребят, которых вы собираетесь арестовать, мы просто попросили ждать дома, в общежитии или в другом назначенном месте, если они далеко живут. Мы сказали, что свяжемся с ними сегодня утром».

«И они нас дождутся, да, Джо? Мы покажем им, как оно на самом деле».

«Меня кое-что смущает».

«Конечно, Джо, давайте все проясним. Вы тоже, Билл, если хотите что-то узнать, чтобы потом передать режиссеру вечерних новостей, спрашивайте».

«У меня такой вопрос, док: зачем прилагать столько усилий, самим строить тюрьму в подвале, арестовывать этих студентов, платить все эти деньги, когда у нас и так достаточно тюрем и преступников? Почему бы просто не понаблюдать за тем, что происходит в окружной тюрьме или в Сан-Квентине? Разве вы не выяснили бы того, что хотите знать об охранниках и заключенных в настоящих тюрьмах?»

Джо попал в точку. Я мгновенно оказался в привычной роли преподавателя, жаждущего донести свою мысль до за-

интересованных слушателей. «Мне интересно исследовать, – начал я, – что значит, с психологической точки зрения, быть заключенным или охранником. Как меняется человек, адаптируясь к новой роли? Возможно ли всего за несколько недель приобрести новую идентичность, которая отличается от привычной личности?»

Социологи и криминалисты проводили исследования реальной тюремной жизни, но все эти исследования имеют несколько серьезных недостатков. Исследователям никогда не удавалось наблюдать все стороны тюремной жизни. Их наблюдения обычно были ограничены строгими рамками, они не имели непосредственного доступа к заключенным и тем более к охранникам. В тюрьмах есть только два типа людей: персонал и заключенные, а исследователи – просто посторонние, и все в тюрьме относится к ним с подозрением, если не с недоверием. Исследователи могли видеть лишь то, что им показывали во время экскурсий. Им редко удавалось заглянуть за “фасад” тюремной жизни. Мы хотим лучше понять глубинную структуру отношений между заключенными и охранниками, воссоздав *психологическую* атмосферу тюрьмы и получив возможность наблюдать, делать записи и документировать весь процесс превращения обычных людей в заключенных или в охранников».

«Да, я согласен, тогда все это имеет смысл, – вмешался Билл, – но есть большая разница между вашей Стэнфордской “тюрьмой понарошку” и реальными тюрьмами – там

совсем другие заключенные и охранники, чем у вас. В реальной тюрьме мы имеем дело с социопатами, с жестокими парнями, которым ничего не стоит нарушить закон или напасть на охранников. Нужны действительно крутые охранники, чтобы их контролировать, готовые, если нужно, свернуть им шею. Ваши милые стэнфордские мальчики совсем не такие грубые и жестокие, как настоящие охранники и заключенные».

«А я вот что думаю, – говорит Боб. – Почему вы думаете, что эти дети из колледжа, которые знают, что получают 15 долларов в день за то, что ничего не делают, просто не просидят там две недели и как следует не поразвлекаются за ваш счет, док?»

«Во-первых, я должен заметить, что не все наши испытуемые – студенты Стэнфорда. Многие приехали со всей страны и даже из Канады. Как вы знаете, летом в район Залива⁴⁶ съезжается много молодых людей, и мы принимали в команду тех, кто только что окончил летнюю школу в Стэнфорде или в Беркли. Но вы правы, в нашей Стэнфордской тюрьме не будет обычных обитателей тюрем. Мы очень старались выбрать совершенно нормальных, здоровых ребят, со средними показателями по всем психологическим тестам, кото-

⁴⁶ Имеется в виду так называемая Область залива Сан-Франциско (San Francisco Bay Area, или просто Bay Area) – крупная конурбация (скопление крупных, средних и малых городов без выраженного центра) в северной Калифорнии, сформировавшаяся вокруг залива Сан-Франциско и названная его именем. – *Прим. ред.*

рые мы проводили. Вместе с Крейгом – вот он – и другим моим аспирантом, Кертом Бэнксом, мы тщательно отобрали наших испытуемых из всех, с кем проводили интервью».

Крейг, терпеливо ожидавший моего знака, что ему тоже можно вставить слово, с готовностью добавил: «В реальной тюрьме, когда мы наблюдаем, скажем, драку заключенных, или когда охранник бьет заключенного, мы не можем определить, в чем причина – в сложившихся обстоятельствах или в характере человека. Действительно, среди заключенных есть жестокие социопаты, а среди охранников встречаются настоящие садисты. Но объясняют ли их личностные качества все или почти все, что происходит в тюрьме? Вряд ли. Нужно принимать во внимание ситуацию».

Я просиял от блестящей речи Крейга. Я разделял его скепсис относительно диспозиционного подхода, но чувствовал себя уверенно, потому что Крейг так хорошо все объяснил полицейским. Я продолжал, в своем лучшем лекторском стиле:

«Суть в том, что наше исследование попытается отделить то, что люди приносят в тюремную ситуацию, от того, что ситуация выявляет в людях, которые в ней оказались. Благодаря предварительному отбору наши испытуемые представляют собой репрезентативную выборку образованных молодых мужчин из среднего класса. Это однородная группа студентов, они более или менее похожи друг на друга. Распределив среди них роли случайным образом, мы получили две

группы, “охранников” и “заключенных”, которые сопоставимы между собой – то есть взаимозаменяемы. Наши “заключенные” не более жестоки, враждебны или неуправляемы, чем “охранники”, а “охранники” не слишком авторитарны и не одержимы властью. Сейчас “заключенные” и “охранники” практически одинаковы. Никто не хотел быть охранником; никто не совершал никаких преступлений, заслуживающих тюремного заключения и наказания. Будут ли эти ребята так же похожи друг на друга через две недели? Повлияют ли новые роли на их личные качества? Увидим ли мы какие-то трансформации в их характерах? Вот это мы и хотим выяснить».

Крейг добавил: «Иначе говоря, мы хотим поместить хороших людей в плохую ситуацию и посмотреть, что победит».

«Спасибо, Крейг, мне это нравится, – с чувством сказал Билл, оператор. – Режиссер наверняка захочет использовать этот комментарий в вечерней программе. У телеканала сегодня утром нет коммуникастера, и мне придется и снимать, и самому выбирать ракурсы. Время идет, профессор. Я готов, мы можем начинать?»

«Конечно, Билл. Но, Джо, я так и не ответил на ваш первый вопрос».

«На какой?»

«Знают ли “заключенные”, что их аресты – часть эксперимента. Нет, не знают. Их просто попросили утром находиться в определенном месте. Скорее всего, они поймут, что

арест – это начало исследования, ведь они знают, что не совершали преступлений, в которых их обвинят. Если они спросят вас об эксперименте, отвечайте туманно, не говорите ни да, ни нет. Просто выполняйте свои обязанности, как будто это настоящий арест; игнорируйте любые вопросы и протесты».

Крейг не смог удержаться и добавил: «В каком-то смысле арест, как и все остальное, что их ждет, должно стать сочетанием реальности и иллюзии, роли и их настоящей личности».

Немного цветасто, подумал я, но, по сути, верно. Перед тем как включить сирену на своей белоснежной полицейской машине, Джо надевает солнцезащитные очки с зеркальными стеклами, вроде тех, что носили охранники в фильме «Хладнокровный Люк»⁴⁷ – сквозь такие стекла никто не увидит ваших глаз. Мы с Крейгом понимающе улыбаемся друг другу – мы знаем, что все наши охранники будут носить такие же очки. Они дадут ощущение анонимности, а это один из элементов нашего плана по созданию атмосферы обезличенности. Искусство, жизнь и эксперимент начинают сливаться

⁴⁷ «Хладнокровный Люк» (Cool Hand Luke) – голливудский фильм, вышел на экраны в 1968 г. Люк (Ньюмен) попадает в тюрьму за мелкое хулиганство. За свой упрямый и упорный характер Люк получает от сокамерников уважительное прозвище Люк Хладнокровный, а с ним и ненависть надзирателей за стремление к свободе и непокорный нрав. Три побега, три ареста и три жестоких наказания не сломили его волю к жизни, он становится героем для остальных заключенных, героем-одиночкой, восставшим против системы. Фильм получил премию «Оскар». – *Прим. пер.*

«В МОЮ ДВЕРЬ ПОСТУЧАЛ ПОЛИЦЕЙСКИЙ»⁴⁸

«Мама, мама, к нам пришел полицейский, он хочет арестовать Хабби», – пронзительно кричит самая младшая дочь семейства Уитлоу.

⁴⁸ Следующие три сценария были созданы на основании предварительно собранной информации о трех наших «заключенных» и позднейших интервью с ними, а также наблюдений, сделанных во время их воскресных арестов. Конечно же, создавая эти воображаемые сценарии, я творчески переработал эту информацию. Но мы увидим некоторые параллели с последующим поведением этих студентов в роли «заключенных».

Миссис Декстер Уитлоу не расслышала, но по крику Нины поняла: что-то случилось, и нужно участие отца.

«Пожалуйста, попроси отца разобраться», – миссис Уитлоу занята, совесть ее неспокойна: ее осаждают дурные предчувствия по поводу нововведений в церкви, из которой она только что вернулась. В последнее время она много думает и о Хабби, готовясь к тому, что будет видеть своего красивого, белокурого, голубоглазого мальчика всего два раза в год. Она втайне молится о нем. Но в его отъезде в колледж есть и положительная сторона: разлука наверняка охладит слишком очевидную страсть Хабби к его школьной подруге. Для мужчины хорошая карьера должна быть важнее поспешной женитьбы. Она часто ему это повторяет.

Единственный недостаток, который она видит в своем прекрасном ребенке, заключается в том, что он иногда слишком увлекается, когда встречается с друзьями. Например, в прошлом месяце они шутки ради разрисовали крышу школы, а недавно перевернули и сорвали несколько дорожных знаков. «Это просто глупо и по-детски, Хабби, это может плохо кончиться!»

«Ма-ам, папы нет дома, он уехал играть в гольф с мистером Марсденом, а Хабби внизу, и его забирает полицейский!»

«Хабби Уитлоу, вы обвиняетесь по статье 459 Уголовного кодекса, кража со взломом. Я отвезу вас в полицейское управление, чтобы зарегистрировать ваше задержание.

Прежде чем я вас обыщу и надену на вас наручники, я должен сообщить вам о ваших правах». Джо помнит, что телекамера записывает для потомков эту классическую сцену ареста. Он держится как настоящий суперкоп, говорит строго и неторопливо, словно следователь Джо Фрайдей в сериале «Сети зла». «Позвольте ясно объяснить вам некоторые факты: вы имеете право хранить молчание и не обязаны отвечать ни на какие вопросы. Все, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде, в соответствии с нормами общего права. Прежде чем отвечать на какие-либо вопросы, вы имеете право встретиться с адвокатом, и адвокат может присутствовать во время допроса. Если у вас нет средств, чтобы нанять адвоката, вам будет предоставлен государственный защитник, и он будет представлять вас на всех этапах слушаний. Вы понимаете свои права? Хорошо. Соблюдая эти права, я забираю вас в центральное управление, чтобы зарегистрировать ваше задержание за совершение преступления, в котором вас обвиняют. А теперь спокойно следуйте за мной и садитесь в полицейскую машину».

Миссис Уитлоу ошеломленно наблюдает, как обыскивают ее сына, как на него надевают наручники, как, пригнув ему голову, сажают в патрульную машину, будто обычного преступника, которых она каждый день видит по телевизору. Призвав на помощь все свое самообладание, она вежливо спрашивает: «Что происходит, офицер?»

«Мэм, у меня есть приказ арестовать Хабби Уитлоу по об-

винению в краже, он...»

«Я знаю, офицер, я говорила ему не трогать эти дорожные знаки, я просила его не общаться с этими мальчишками Дженнингсами».

«Мама, ты не поняла, это начало...»

«Офицер, Хабби – хороший мальчик. Мы с его отцом с радостью оплатим замену всего, что они испортили. Это же была всего лишь шутка, они не хотели причинить вреда».

К этому моменту на почтительном расстоянии уже собралась небольшая группа соседей, привлеченных любопытным зрелищем. Миссис Уитлоу изо всех сил старается не обращать на них внимания, чтобы не отвлекаться от своей главной задачи – снискать расположение полицейского, чтобы он получше отнесся к ее сыну. «Если бы Джордж был дома, он знал бы, что делать, – думает она. – Вот что бывает, когда по воскресеньям гольф становится важнее Господа».

«Ладно, поехали, мы спешим; до обеда нам нужно сделать еще несколько арестов», – говорит Джо, сажая подозреваемого в полицейскую машину.

«Мама, папа все знает, спроси его, он подписал разрешение, все в порядке, не волнуйся, это просто начало...»

Вой сирены полицейской машины и огни ее мигалки привлекают новых любопытствующих соседей, которые начинают утешать бедную миссис Уитлоу, – ведь ее сын казался таким хорошим мальчиком.

Хабби впервые испытывает неловкость, наблюдая, как

расстроилась мать. Он чувствует себя виноватым, сидя на заднем сиденье полицейской машины, в наручниках, отделенный от полицейского сетчатой перегородкой. «Так вот каково это – чувствовать себя преступником», – думает он, и его щеки внезапно краснеют от смущения, когда он слышит, как сосед, мистер Палмер, тычет в него пальцем и говорит своей дочери: «Куда катится этот мир? Даже сын Уитлоу оказался преступником!»

В управлении процедура регистрации проходит с привычной эффективностью, учитывая готовность подозреваемого сотрудничать. Боб присматривает за Хабби, а Джо обсуждает с нами, как прошел первый арест. Мне кажется, что он занял слишком много времени, если учесть, что у нас еще восемь арестов. Но оператор хочет, чтобы все происходило медленнее, ему нужно найти лучший ракурс для съемки, потому что он может снять лишь несколько красивых эпизодов арестов – тогда получится целостный сюжет. Мы соглашаемся, что следующий арест можно провести еще медленнее и дать ему возможность снять все эпизоды, но потом – независимо от качества съемки – на первом месте будет эксперимент, и аресты будут ускорены. За полчаса мы арестовали только одного Уитлоу; с такими темпами мы потратим на аресты почти весь день.

Я понимал, что полицейские согласились сотрудничать благодаря телевидению, и поэтому волнуюсь, что как только съемка будет закончена, они могут отказаться продолжить

аресты наших «заключенных». Мне очень интересно наблюдать за всем, что происходит, и я знаю, что успех этой стадии эксперимента зависит не только от меня. Очень многое может пойти не так, как надо, и хотя большинство проблем я предвидел и пытался заранее их предотвратить, но всегда может случиться неожиданность, способная разрушить даже самые лучшие планы. В реальном мире – «в поле», как говорят социологи – слишком много непредсказуемых случайностей. В чем прелесть лабораторных исследований: условия задает экспериментатор, все под контролем, исследуемый находится в сфере влияния исследователя. Это напоминает слова из руководства по ведению допросов для полицейских: «Никогда не допрашивайте подозреваемого или свидетеля у него дома; доставьте его в полицейский участок; здесь допрос вести легче из-за отсутствия знакомой обстановки и недостатка социальной поддержки; кроме того, вам не придется беспокоиться о незапланированных помехах».

Я пытаюсь мягко убедить полицейских немного ускорить темп, но Билл то и дело просит позволить ему снять еще один план, еще в одном ракурсе. Джо завязывает Хабби глаза. Наконец, форма С11-6 Бюро опознаний и расследований в уголовном процессе заполнена, вся необходимая информация записана, взят полный комплект отпечатков пальцев. Осталось только сфотографировать задержанного. Чтобы сэкономить время, мы могли бы сделать снимок полароидом прямо в нашей тюрьме. Можно будет провести съемку

после того, как все заключенные наденут униформу. Хабби проходит процесс регистрации безо всяких комментариев и эмоций – после того, как на его первую и единственную шутку Джо резко ответил: «Ты что, слишком умный, или что?» Теперь Хабби сидит в маленькой камере предварительного задержания в полицейском управлении, с повязкой на глазах, одинокий и беспомощный, спрашивая себя, зачем он связался в эту авантюру и стоит ли игра свеч. Его утешает лишь то, что если ему будет слишком тяжело, отец и двоюродный брат, государственный защитник, вытащат его отсюда, расторгнув контракт.

«ХРЮ-ХРЮ, ЗА ВАМИ ПРИШЛИ СВИНЬИ»

Следующий арест происходит в небольшой квартирке в Пало-Альто.

«Эй, Дуг, проснись, черт побери, это полиция. Одну минутку, пожалуйста, он уже идет. Эй, штаны надень».

«Какая полиция? Что им надо? Эй, Сьюзи, не волнуйся, успокойся, мы ничего не сделали, у них нет никаких доказательств. Дай я поговорю с этими свиньями. Я знаю свои права. Эти фашисты нам ничего не сделают».

Боб видит, что с этим парнем могут возникнуть проблемы и прибегает к тактике дружеского убеждения.

«Мистер Дуг Карлсон?»

«Да, ну и что?»

«Жалею, но вы обвиняетесь в нарушении статьи 459 Уголовного кодекса, кража со взломом, я должен задержать вас и отвезти в управление. Вы имеете право хранить молчание, вы имеете...»

«Хватит, я знаю свои права, я же зачем-то учусь в колледже. Где ордер на мой арест?»

Пока Боб думает, как бы потактичнее решить эту проблему, Дуг слышит перезвон колоколов из соседней церкви. «Сегодня же воскресенье!» Он совсем забыл, что сегодня воскресенье!

Он думает: «Арест? Что, игра уже началась? Ну ладно, я поступал в колледж не для того, чтобы стать свиньей-полицейским, но в один прекрасный день меня могли арестовать по-настоящему, например, в прошлом году, когда я участвовал в антивоенной забастовке в Кэле. Я ведь сказал интервьюеру – кажется, его звали Хейни – я делаю это не из-за денег и не из-за опыта, потому что вся эта затея кажется мне дурацкой, и я не думаю, что из этого что-то получится. Но я хочу понять, смогу ли выдержать жизнь в тюрьме как политический заключенный.

Я смеюсь, когда вспоминаю этот идиотский вопрос: «Оцените вероятность того, что вы сможете продолжать участие в тюремном эксперименте в течение двух недель, по шкале от 0 до 100». Сто процентов, без проблем. Это же не настоящая тюрьма, а просто имитация. Если мне не понравится, я просто уйду. Кстати, интересно, как они восприняли мой

ответ на вопрос: “Чем вы хотели бы заниматься через десять лет?” – “Идеальным занятием, которое, я надеюсь, поможет изменить мир в будущем, для меня была бы революция”.

Кто я? Чем я уникален? Как они восприняли мой прямой и простой ответ: “По религиозным убеждениям я атеист. С “общепринятой точки зрения” я фанатик. По политическим убеждениям я социалист. С точки зрения психического здоровья – здоров. С экзистенциально-социальной точки зрения я расколот на части, дегуманизирован, отчужден – но редко плачу”».

Дуг с независимым видом сидит на заднем сиденье полицейской машины, которая несется в управление. Он размышляет об угнетении бедных и необходимости отобрать власть у капиталистов и военных, захвативших все в этой стране. «Как хорошо быть заключенным, – думает он. – Все лучшие революционные идеи родились в тюрьме». Он чувствует родство с одним из «братьев Соледад» Джорджем Джексонем, чьи письма ему так нравятся, и знает, что в солидарности всех угнетенных таится сила, способная совершить революцию. Возможно, этот небольшой эксперимент станет первым шагом в тренировке его разума и тела для возможной борьбы против фашистов, правящих Америкой.

Офицер, регистрирующий задержанного в управлении, игнорирует дерзкие комментарии Дуга. Рост, вес и отпечатки пальцев успешно зафиксированы. Офицер ведет себя поделовому. Джо легко откатывает каждый палец, получая яс-

ный отпечаток, даже когда Дуг пытается напрягать руку. Дуг немного удивлен тем, какой сильной оказалась эта полицейская свинья. А может быть, это он сам ослабел от голода, потому что не успел позавтракать. Эти неприятные процедуры вызывают у него слегка параноидальную мысль: «А вдруг эти стэнфордские крысы сдали меня настоящим полицейским? Какой я дурак, что так много разболтал им о себе, – теперь они используют эту информацию против меня».

«Эй, мистер полицейский, – спрашивает Дуг слегка дрожащим голосом, – скажите мне еще раз, в чем меня обвиняют?»

«Кража со взломом. Это ваш первый арест, и всего через пару лет вы можете получить условно-досрочное освобождение».

«Я ГОТОВ К АРЕСТУ, СЭР»

Следующий арест происходит в заранее оговоренном месте у подъезда дома моего секретаря Розанн. Предстоит арестовать Тома Томпсона. Том сложен как молодой бычок, рост 170 см, 77 кг рельефной мускулатуры и стрижка «ежиком». Если на свете и есть здравомыслящие люди, то этот восемнадцатилетний парень – один из их лучших представителей. Во время интервью мы спросили его: «Чем бы вы хотели заниматься через десять лет?» Его ответ нас удивил: «Где и чем – неважно, но эта работа будет связана с органи-

зацией и повышением эффективности в неорганизованных и неэффективных сферах государственного управления».

Матримониальные планы: «Я планирую жениться только после того, как добьюсь солидного финансового положения».

Лечились от чего-нибудь? Как насчет наркотиков, транквилизаторов, правонарушений? «Я никогда не совершал никаких преступлений. Я до сих пор помню, как в пять или шесть лет мы с отцом пошли в магазин за покупками, и я увидел, как отец взял с полки конфету. Мне было стыдно, что он так поступил».

Чтобы не платить за жилье, Том Томпсон ночует на заднем сиденье своей машины, и ее нельзя назвать удобным или подходящим помещением для учебы. Недавно ему пришлось «прибить паука, который меня два раза укусил, в глаз и в губу». Тем не менее он только что окончил полный курс летней школы, чтобы улучшить свою кредитную историю. 45 часов в неделю он работает в разных местах, а питается остатками еды в студенческой столовой, чтобы сэкономить деньги на обучение в следующем семестре. Благодаря упорству и бережливости Том планирует получить диплом на полгода раньше срока. В свободное время он много занимается спортом, и это, очевидно, объясняет полное отсутствие в его жизни свиданий с девушками и близких друзей.

Платное участие в тюремном эксперименте – идеальная работа для Тома, поскольку его учеба и летняя работа уже

закончились, а ему нужны деньги. Трехразовое питание, настоящая кровать, а возможно и горячий душ – для него это все равно что выигрыш в лотерею. Он воспринимает следующие две недели как оплаченные каникулы.

Ему не приходится долго сидеть на корточках у подъезда дома № 450 на Кингсли-стрит, где он ждет начала своих злоключений в нашем эксперименте. Рядом с его «шеви-65» останавливается полицейская машина. За ней едет фиат Хейни с нашим неустрашимым оператором, который снимает последний арест. Затем ему предстоит вести съемку в здании полицейского управления, а потом – в нашей «тюрьме». Билл хочет вернуться на телеканал с самыми горячими кадрами для скучной программы воскресных вечерних новостей.

«Я – Том Томпсон, сэр. Я готов к аресту и не стану оказывать сопротивления».

Боб воспринимает это заявление с подозрением. Может быть, этот парень – придурок, и сейчас он попытается продемонстрировать то, чему научился на уроках каратэ? Немедленно щелкают наручники, даже раньше, чем звучит правило Миранды. Обыск на предмет спрятанного оружия проводится тщательнее, чем при других арестах, потому что Боб не доверяет парням, которые не оказывают сопротивления. Уж слишком дерзко, слишком самоуверенно ведет себя этот парень в ситуации ареста; обычно за таким поведением кроется какая-то ловушка: у парня где-то спрятана «пушка», его

адвокат уже строчит обвинение в неправомерном аресте или будет еще какая-то неожиданность. «Я не психолог, – говорил потом мне Джо, – но этот Томпсон какой-то странный, он похож на военного – на сержанта вражеской армии».

К счастью, в это воскресенье в Пало-Альто не зафиксировано никаких правонарушений, ни одна кошка не застряла на дереве, и Боб с Джо успевают спокойно закончить все аресты, строго по форме. К середине дня все «заключенные» зарегистрированы, перевезены в нашу тюрьму и оказываются в нетерпеливых руках новоявленных «охранников». Этим ребятам предстоит покинуть солнечный рай Пало-Альто и спуститься по небольшой бетонной лестнице в подвал здания факультета психологии, Джордан-холл, на Серра-стрит. Для некоторых это будет дорога в ад.

Глава третья

Воскресенье: начинаются унизительные ритуалы

Всех заключенных с завязанными глазами ведут вниз по лестнице Джордан-холла в нашу небольшую тюрьму. «Охранники» приказывают им раздеться догола, встать лицом к стене, положить на нее руки и расставить ноги. «Заключенные» стоят в этой неудобной позе довольно долго. «Охранники» не обращают на них внимания, они заняты последними приготовлениями – убирают на хранение вещи «заключенных», приводят в порядок комнату «охранников» и застилают кровати в трех камерах. Прежде чем выдать униформу, каждого заключенного обсыпают имитацией порошка-дезинфектанта против вшей, как это делают с новоприбывшими в настоящих тюрьмах. Без всякой инициативы со стороны руководства некоторые охранники начинают отпускать комментарии по поводу гениталий заключенных, шутить насчет маленьких пенисов и неровно висящих яичек. Настоящие мужские шутки!

У заключенных все еще завязаны глаза, им выдают униформу – ничего особенного, просто коричневые миткалевые рубы с опознавательными номерами впереди и сзади. Номера мы купили в магазине для скаутов и пришили к ро-

бам. Нейлоновый женский чулок служит чем-то вроде шапочки, стягивающей длинные волосы некоторых заключенных. Это замена бритья головы, которое обычно является обязательным ритуалом для новобранцев в армии и новичков в некоторых тюрьмах. Головной убор также является одним из методов уничтожения индивидуальности и создает среди заключенных атмосферу анонимности. Затем заключенные надевают резиновые шлепанцы, к одной их лодыжке пристегивают цепь – постоянное напоминание о том, что теперь они в тюрьме. Они будут помнить об этом даже во сне, когда начнут переворачиваться с боку на бок, и цепь будет больно бить по ноге. Заключенным запрещено носить нижнее белье, и когда они наклоняются, виден голый зад.

Итак, заключенные полностью экипированы. Охранники снимают с их глаз повязки. Заключенные могут полюбоваться своим новым видом, глядя в большое зеркало, прислоненное к стене. Снимки полароидом фиксируют портреты заключенных для регистрационных карточек, где вместо имени стоит опознавательный номер. Так начинаются их унижения, почти так же, как это происходит во многих других организациях, от военных учебных лагерей до тюрем, больниц и тех печальных мест, где люди занимаются самой «грязной», низкооплачиваемой работой.

«Не двигайте головой; не двигайте ртом; не двигайте руками; не двигайте ногами; ничем не двигайте. Заткнитесь и стойте, где стоите», – рывкает охранник Арнетт, впервые

демонстрируя свою власть⁴⁹. Он и два охранника из другой смены, Дж. Лендри и Маркус, начали угрожающе поигрывать своими полицейскими дубинками, как только заключенные начали переодеваться. Первые четверо заключенных выстроены в ряд. Им объясняют основные правила, которые охранники и начальник тюрьмы сформулировали во время встречи днем раньше. «Мне не нравится, когда босс недоволен моей работой, – говорит Арнетт, – поэтому я вас предупреждаю, что нужно вести себя так, чтобы босс был мною доволен. Внимательно слушайте эти правила. Вы должны обращаться к другим заключенным, называя их только по номерам. К охранникам нужно обращаться “господин надзиратель”».

Приводят новых заключенных. Они точно так же проходят дезинфекцию, переодеваются и присоединяются к това-

⁴⁹ Если не указано иначе, весь диалог заключенного и охранника взят из словной расшифровки стенограммы видеозаписи, сделанной во время эксперимента. Имена заключенных и охранников изменены, чтобы скрыть их личность. Материалы Стэнфордского тюремного эксперимента, на которые мы ссылаемся в книге, и все оригинальные данные хранятся в Архиве истории американской психологии (Archives of the History of American Psychology) в Акроне, Огайо. Все дальнейшие материалы автора также будут размещены в этом Архиве под грифом «Труды Филипа Зимбардо». Первый том материалов будет посвящен Стэнфордскому тюремному эксперименту. Контактная информация Архива: <http://www.uakron.edu> или ahap@uakron.edu. СТЭ был предметом обширных обсуждений в прессе, и некоторые его участники решили раскрыть свою личность. Но сейчас я впервые подробно описываю эксперимент для широкой аудитории. Поэтому я решил изменить имена всех заключенных и охранников, чтобы скрыть их истинную личность.

рищам, выстроенным у стены для инструктажа. Охранники стараются держаться очень серьезно. «Некоторые из вас уже знают правила, но другие до сих пор не понимают, как себя вести. Поэтому нужно выучить правила». Охранник медленно, серьезно и внушительно читает каждое правило. Заключенные сутулятся, ерзают, с интересом рассматривают этот новый странный мир. «№ 7258, встань ровно. Заключенные, руки по швам».

STANFORD
COUNTY
PRISON

Арнетт начинает экзаменовать заключенных на знание правил. Он требователен и критичен, изо всех сил старается оставаться серьезным и демонстрировать военную выправку. Кажется, он хочет показать, что просто выполняет свою работу, ничего личного. Заключенные ведут себя совсем иначе; они хихикают, улыбаются, никто не принимает его всерьез. Они не спешат играть роль заключенных. Пока.

«Отставить смех!» – приказывает охранник Дж. Лендри. Коренастый, с длинными, густыми светлыми волосами, Лендри на полголовы ниже Арнетта, высокого, худого парня с орлиными чертами лица, темно-каштановыми вьющимися волосами и плотно сжатыми губами. Внезапно входит начальник тюрьмы, Дэвид Джаффе. «Сейчас вам будут зачитаны все правила. Встаньте по стойке смирно у этой стены», – говорит Арнетт. Джаффе – мой аспирант из Стэнфорда, он невысокого роста, около 165 см, но сейчас кажется, что он стал выше. Он стоит очень прямо, плечи отведены назад, голова высоко поднята. Он уже освоился в роли начальника.

Я наблюдаю за происходящим через маленькое замаскированное окошко в стене, отгораживающей крошечное помещение в южной части тюрьмы. Здесь же установлены видеочамера и система аудиозаписи Amrex. Из этого укрытия Керт Бэнкс и другие участники нашей исследовательской группы будут вести запись особых мероприятий в течение следующих двух недель: как заключенные едят, их переключки, визиты родителей, друзей и тюремного священника,

а также возможные беспорядки. У нас нет возможности вести запись постоянно, поэтому мы будем делать это выборочно. В этом же помещении мы, экспериментаторы и другие посетители, сможем видеть происходящее, не вмешиваясь и оставаясь незаметными, наблюдая и записывая. Мы можем наблюдать и записывать лишь то, что происходит прямо напротив нашего помещения.

Мы не видим того, что происходит в камерах, но можем это слышать. Камеры прослушиваются с помощью аудиоустройств. Мы хотим знать, о чем будут говорить заключенные. Они не знают, что за плафонами ламп спрятаны микрофоны. Прослушивание позволит нам выяснить, что они думают и чувствуют, когда рядом нет охранников, и о чем беседуют между собой. Это также поможет нам вовремя среагировать, если кому-то из заключенных потребуется особое внимание или кто-то из них будет испытывать слишком сильное напряжение.

Я поражен важным видом начальника Джаффе и удивлен, впервые увидев его в спортивной куртке и галстуке. В то время было модно одеваться в стиле хиппи, и студенты редко носили другую одежду. Нервничая, он крутит свои большие усы, как у Сони Боно, изо всех сил стараясь войти в новую роль. Я сказал Джаффе, что он должен будет представиться группе заключенных в качестве начальника тюрьмы. Он отнесся к этому без энтузиазма, потому что не любит действовать напоказ и быть на виду. Это скромный и спокойный

парень. В предыдущие дни его не было в городе, поэтому он не участвовал в разработке планов и устройстве тюрьмы. Он приехал только вчера, как раз на встречу с охранниками. Джаффе чувствует себя немного не в своей тарелке, тем более что Крейг и Керт – аспиранты, а он только студент. Возможно, ему не по себе еще и оттого, что он – самый невысокий среди шести участников нашей команды: все они выше 180 см. Но он держит спину прямо и ведет себя уверенно и серьезно.

«Как вы, вероятно, уже знаете, я начальник тюрьмы. Все вы показали, что не способны правильно вести себя в обществе, по той или иной причине. Так или иначе, вам не достает ответственности, которую несут добропорядочные граждане нашей великой страны. В данном исправительном учреждении мы собираемся помочь вам понять, какова ваша ответственность как граждан этой страны. Вы слышали правила. Скоро они будут вывешены в каждой камере. Мы хотим, чтобы вы запомнили правила и могли повторить в нужном порядке. Если вы будете следовать всем этим правилам, хорошо себя вести, если вы раскаетесь в своих правонарушениях и продемонстрируете надлежащее поведение, мы прекрасно поладим. Надеюсь, мне не придется встречаться с вами слишком часто».

Это была поразительная импровизация. За ней следует приказ охранника Маркуса – он заговорил впервые: «Поблагодарите начальника тюрьмы за эту прекрасную речь». Де-

вать заключенных хором говорят «спасибо», но не слишком искренне.

ПРАВИЛА, ПО КОТОРЫМ ВЫ БУДЕТЕ ЖИТЬ

Настало время сделать ситуацию немного более официальной и ознакомить новоявленных заключенных со сводом правил, которые будут руководить их поведением в течение следующих двух недель. Джаффе вместе со всей командой охранников после довольно горячей дискуссии закончил

разработку этих правил только вчера⁵⁰.

После небольшого совещания охранник Арнетт и начальник тюрьмы Джаффе решают, что Арнетт громко прочтет весь набор правил: первая демонстрация власти дневной смены охранников. Арнетт начинает читать, медленно и внятно. Вот эти 17 правил:

1. Заключенные должны сохранять тишину во время отдыха, после того как будет выключен свет, во время еды и всякий раз, когда находятся за пределами тюремного двора.

⁵⁰ Эти правила были продолжением тех, которые Джаффе и его сокурсники разработали прошлой весной для своего проекта в ходе моего курса «Социальная психология в действии». Они создали «тюрьму» в своем общежитии. На этом курсе студенты выбирали проект из 10 предложенных мной тем, в каждой из которых исследуются аспекты поведения людей в организациях – домах престарелых, тоталитарных сектах, а также социализации в ролях заключенных и охранников. Джаффе и около 10 других студентов выбрали в качестве темы тюрьму и в ходе этого исследования в течение двух выходных дней создали в своем общежитии «тюрьму» и руководили ею – с весьма драматичными результатами, которые и побудили нас провести данный формальный эксперимент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.